

S-T-I-K-S

У КАЖЕДОГО СВОЯ ДОРОГА

ПО МИРАМ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО

О.ШЕЛЛИНА (SHELLINA)

Литрес

S-T-I-K-S

О.Шеллина (shellina)

S-T-I-K-S. У каждого своя дорога

«Автор»

2024

О.Шеллина (shellina)

S-T-I-K-S. У каждого своя дорога / О.Шеллина (shellina) —
«Автор», 2024 — (S-T-I-K-S)

Богат и разнообразен мир Улья. Каждый кластер своеобразен и неповторим. И каждый, попавший сюда во время перезагрузки, если ему повезло не стать зараженным, пытается найти свою собственную цель, которая не ограничивалась бы только попытками выжить. Ведь наличие цели, какой бы дурацкой она не казалась на первый взгляд, и делает человека человеком.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

О.Шеллина (shellina)

S-T-I-K-S. У каждого своя дорога

Глава 1

Алексей сунул сумку в багажный отсек и сел на полку, откинувшись головой на стену купе и закрыв глаза. Он чертовски устал за эти трое суток, и его ослабленный начавшейся неделю назад ангиной организм не понимал, зачем его так мучают. И почему вместо теплого чая под одеялом и каким-нибудь боевиком на экране заставляют куда-то ехать и принимать активное участие в довольно крупном мероприятии.

Итог не заставил себя долго ждать, выпитые, буквально на ходу, лошадиные дозы антибиотиков улучшили состояние горла, но дали хорошего такого пинка для развития грибковой инфекции. И вот буквально вчера на слизистой десен и щек образовались кандидозные бляшки, которые Алексей долго разглядывал в зеркале в ванной номера отеля, в котором жил уже второй день. Дотрагиваться до бляшек даже языком было больно, как и много говорить, есть и пить.

В результате молодой, перспективный хирург вынужден был с мрачным видом закидываться еще и антимикотиками, вместо того, чтобы праздновать с коллегами окончание этой интересной, весьма познавательной, но показавшейся для болеющего Алексея просто нескончаемой конференции.

* * *

Почти неделю назад Алексей подошел к профессору Вяземскому, заведующему кафедрой факультетской хирургии университета, где он работал хирургом в клинике и параллельно учился в аспирантуре, чтобы отпроситься пару дней отлежаться. Потому что работать с высокой температурой было уже физически невозможно. Но вместо отгула или предложения пойти на больничный, получил предложение сесть в самолет и полететь послушать умных людей.

– Простите, Михаил Федорович, – хриплым голосом просипел тогда Алексей, – но я не могу. У меня глотку всю заложило и температура уже под сорок. Пусть лучше Федоров летит, ему это за счастье будет.

– Не говорите глупостей, Алешенька, – Вяземский похлопал его отческим жестом по руке. – Начнете лечиться, заодно и отдохнете. Я же вас не на галеры отправляю, а на уникальную конференцию, где у вас будет возможность пообщаться с коллегами со всего мира.

– Но...

– Идите, Алешенька, Ирина Геннадьевна уже должна была все приготовить: приказ, командировочное, билеты, бронь в отеле. Идите-идите, и выздоравливайте. Чтобы, когда вернулся, был как огурчик, – и профессор направился на свой еженедельный профессорский осмотр больных клиники факультетской хирургии, во главе целой толпы заинтересованных лиц.

– Вожак, ведущий стадо на водопой, – Алексей отвернулся и поплелся в отдел кадров, за необходимыми бумагами. Его уже даже не волновал вопрос, почему его вообще не предупредили об этой поездке. Дней за пять хотя бы. Этот вопрос не имел смысла, потому что на его памяти, его еще ни разу ни о чем не предупредили заранее, начиная с «плановых» операций, о которых он узнавал за пять минут до начала, когда пациент был уже на столе и над ним колдовал анестезиолог, и заканчивая отчетами с пометкой «срочно», и датой отправки запроса днем позже, чем этот отчет вообще необходимо было предоставить. Алексей ко всему этому уже привык, и научился действовать быстро в зависимости от необычности ситуации.

В кадрах ему сообщили волшебную новость о том, что полетит он на конференцию на самолете, а вот возвращаться придется поездом.

– Ирина Геннадьевна, я все понимаю, – просипел Алексей, чувствуя, что скоро полностью лишится голоса, – но объясните мне, почему в таком случае моя командировка заканчивается в день закрытия конференции?

– А когда она должна заканчиваться? – невозмутимо спросила миловидная сорокалетняя женщина, отрываясь от монитора компьютера и переведя взгляд на надоевшего ей уже молодого хирурга, который, похоже, сам не знает, чего хочет.

– Может быть тогда, когда поезд вернет меня через трое суток домой? – спросил Алексей, понимая, что просто теряет время, которое может провести дома, чтобы хоть чуть-чуть прийти в себя перед поездкой.

– Приедете, принесете мне посадочные талоны, и я проставлю все полагающиеся даты, – наконец произнесла кадровичка, неохотно признав, что Алексей в чем-то прав.

– Очень хорошо, просто отлично, – Алексей поднялся со стула и посмотрел на часы. Взгляд уперся в обнаженное запястье. – Это просто невыносимо, – простонал он, сгребая документы в мультифору, которую предусмотрительно прихватил с собой. Лихорадка отрицательно действовала на его мозг, потому что он пошел в отдел кадров, даже не переодевшись, а как был в своей хирургической пижаме и кожаных шлепанцах на босу ногу. – А я еще удивлялся, почему ногам так прохладно.

Поняв, что заехать в аптеку он просто физически не сможет, Алексей подошел к посту и, облокотившись на высокую стойку, с трудом проговорил.

– Маш, что у нас из антибиотиков есть, из таблетированных?

– Алексей Павлович, вы что с луны свалились? – молодая медсестра подняла глаза и посмотрела на наклонившегося к ней доктора. – Когда нам что-то таблетированное давали?

– А если по сусекам поскрести? Горло болит, не могу уже.

– Ну хорошо, сейчас посмотрю, – смягчилась девушка и, подойдя к огромному шкафу, отперла дверцу и исчезла в его недрах. – Макролиды только. Подойдут?

– Давай, – обреченно махнул рукой Алексей. Выбор был не слишком удачный, но лечь хотелось больше, чем задумываться о правильности своих поступков. – И для литички набери пару наборов.

– Что, совсем плохо? – Маша положила на стойку несколько упаковок таблеток. – Пойдемте в процедурную, я вам сейчас поставлю.

– А с собой дашь?

– Ну, а куда же от вас деваться? – она притворно вздохнула и проскользнула мимо Алексея в процедурный кабинет.

Это была не ее епархия, но процедурная сестра в данный момент сопровождала Вяземского, таская за ним полотенце и флакон с антисептиком, так что пришлось полазить по шкафам, прежде чем удалось найти все необходимое. Вколол Алексею живительный укол, она засунула несколько ампул в освободившуюся коробку и бросила эту коробку в пакет. Туда же полетели несколько шприцев, пара бинтов и несколько квадратиков запечатанных спиртовых салфеток.

Натянув штаны, Алексей поблагодарил Машу, а дома сунул пакет в сумку, где этот очень ограниченный вариант аптечки скорой помощи лежал до сих пор.

* * *

Дверь в купе открылась, и в узкий проем втиснулся крупный мужик с огромным баулом в одной руке и длинной пластиковой коробкой на защелках и с миниатюрным замком в другой.

– Привет, – весело пробасил попутчик, сваливая свой груз на полку. – Стало быть, с тобой вдвоем поедем?

Алексей слегка поморщился, он не слишком любил подобное бесцеремонное обращение. С другой стороны, им придется в замкнутом пространстве купе находиться трое суток, так что лучше расслабиться и не выставлять себя идиотом, синдрома попутчиков еще никто не отменял.

– Привет, а с чего решил, что вдвоем поедем? Вон еще две полки свободные.

– А я их выкупил, – махнул рукой мужик. – Хотел все купе, но у тебя бронь, и в остальных купе уже по двое-трое было записано. А я буквально вчера в отпуск сорвался. Да и веселее все-таки вдвоем.

– Ага, веселее, – Алексей увидел стоящую в дверях проводницу. – Простите, а белье можно получить? И где воду теплую можно взять?

– Белье я сейчас принесу, вы пока располагайтесь, – улыбнулась проводница. – А вода в кулерах в начале и в конце вагона.

– Вот она цивилизация, – проводил ее взглядом попутчик Алексея. – Еще лет пятнадцать назад никаких кулеров и одноразовых стаканчиков не было. А был огромный металлический титаник с кипятком и один стакан на весь вагон, – и он весьма ловко забросил баул на багажную полку рядом с сумкой Алексея, а ящик очень аккуратно пристроил на верхней полке. – Михаил, – усевшись на нижнюю полку напротив Алексея, мужик протянул ему руку.

– Алексей, – они обменялись крепким рукопожатием.

– В командировку или домой?

– Домой, с конференции. – Говорить не слишком хотелось, болело горло, к тому же накатил жуткая слабость, и пробил пот. – Ты, извини, но я приболел немного, мне больно говорить.

– Надеюсь не заразно? – хмыкнул Михаил. – Мне не желательно сейчас болеть, я и так на неделю всего вырваться сумел.

– Уже не заразно. А куда вырвался-то?

– Да, на охоту. Друзья пригласили. Путевку удалось на лося вымутить, да на косолапого.

– Охотник, значит, – Алексей понимающе кивнул головой. Он не увлекался ни охотой, ни рыбалкой, за что был постоянно осуждаем в свое время отцом, но послушать охотничьи байки временами любил. Как он когда-то заметил, у охотников размер добычи был соизмерим с размером рыбы у заядлых рыбаков, и слушать такие истории было забавно.

– Охотник, – кивнул головой Михаил.

– Дорогое увлечение.

– Не дешевое, – подтвердил Михаил. – Ну, финансы позволяют, так почему бы и нет?

– Действительно. А на сафари бывал?

– Было дело, не понравилось, – Михаил хмыкнул. – Вот и езжу каждый год с запада на восток. И с друзьями встретиться, и поохотиться. Вон красавца своего нового везу обкатать, в деле посмотреть, – и он кивнул на ящик.

– Так там ружье? – все-таки измученный болезнью мозг соображал плохо. Как можно было не узнать в ящике пластиковый кейс для перевозки длинноствольного оружия?

– Обижаешь, – Михаил поднялся и легко снял кейс с полки. – Орсис новехонький.

– Ого, – Алексей уважительно посмотрел на кейс. По его скромным прикидкам там сейчас лежало порядка ста тысяч денег, если не больше. Да и весил этот «красавец» совсем не как пушинка. – А не тяжеловат для охоты?

– Так на номере стоять, не по лесу бегать, – Михаил принялся возиться с застежками кейса, когда дверь приоткрылась и проводница протянула мужчинам два комплекта белья. Дождавшись, когда женщина выйдет, он торжественно открыл кейс.

Алексей не удержался и с любопытством заглянул внутрь. В специально вырезанном ложе в кейсе лежал один из самых фантастических стволов, видимых им за всю, в общем-то, недолгую жизнь. Весь выполненный из металла, даже мельчайшие детали, карабин впечатлял своей

хищной красотой. Алексей не слишком хорошо разбирался в оружии, но даже он не мог не признать, что подобная игрушка могла заинтересовать любого мужчину.

– А калибр какой? – насмотревшись, Алексей застелил свою полку простынею, быстро упаковал подушку в наволочку и, скинув ботинки и стянув куртку, лег, заложив руки за голову. Поезд дернулся и медленно покатился, слегка покачиваясь, постепенно набирая ход.

– Триста восьмой, – Михаил захлопнул застежки и запер кейс маленьким ключиком, который положил в бумажник. – Семь шестьдесят два на пятьдесят один.

– Серьезный ствол, – Алексей зевнул.

– Серьезный. А оптику Никон предпочитаю. Друзья пытались сбить с пути истинного, но я остался верен Никону до конца. – Михаил повторил маневр попутчика и завалился на полку. – А ты на какую конференцию-то ездил?

– По нейрохирургии.

– Так ты нейрохирург? Круто.

– Нет, я обычный хирург. До нейрохирурга еще не дорос, но страстно хочу дорасти, – за окном стремительно темнело, как это всегда бывает осенью. Алексей закрыл глаза.

– Ты чаю хочешь?

– Я спать хочу, может попозже.

– Да я, в общем-то, тоже не прочь подремать, замотался за эти дни что-то.

Свет они не включали, и вскоре купе погрузилось в полумрак, а мерное покачивание под перестук колес действовало не хуже снотворного.

Визг тормозов разбудил Алексея, а сильный толчок экстренно остановившегося поезда сбросил его не пол. Он еще не слишком отошел ото сна, и не сумел как-то смягчить падение, сильно ударившись головой о столик.

– Какого хрена происходит? – раздался сиплый голос Михаила. – Эй, Лёха, ты там живой?

– Я не уверен, – простонал Алексей, поднимаясь с пола и держась за голову. Он сел на полку. Глаза быстро привыкали к темноте, и теперь можно было различить силуэты отдельных предметов. Из окна доносилось странное беловатое сияние, которое не давало света, а, казалось, еще больше усиливает царивший вокруг мрак. Алексей, заинтересованный подобным феноменом, со злостью сложил злосчастный столик, который нанес ему травму, и придвинулся к окну поближе. За стеклом вообще ничего не было видно, но не из-за ночной тьмы, а из-за плотного белого тумана, напоминающего молочный кисель, которым когда-то в детстве угощала Алексея бабушка. – Что за чертовщина? Такого тумана просто не бывает, это физически невозможно, чтобы он был настолько плотным.

– Интересно, а где проводница? – задал вполне резонный вопрос Михаил. – Почему не бегают по вагону, заглядывая в купе, и не успокаивают пассажиров? Вот что, я пойду, попробую выяснить, что здесь происходит. Ты со мной?

Алексей, в этот момент пытающийся включить свет покачал головой, словно в темноте Михаил мог его увидеть. Виски прострелило болью, затошнило, а перед глазами запрыгали разноцветные зайчики.

«Все-таки сотрясение», – вяло подумал он, сев на полку. Затем до него дошло, что попутчик ждет ответа.

– Нет, что-то мне нехорошо, я головой сильно ударился, да еще от болезни не отошел.

– Ну ладно, ты тогда приляг, что ли. Свет включить?

– А свет не включается, я только что пробовал, – ответил Алексей.

– Да что за чертовщина здесь творится? – повторил свой вопрос Михаил и на ощупь добрался до двери.

Алексей только по звуку определил, что дверь открылась, а потом закрылась. Из коридора, где по идее должен был постоянно гореть свет, не доносилось ни звука, и было так же темно, как и в купе.

Внезапно в этой темноте, где не было слышно ни звука, и в которую, словно специально выискивая малейшие щели, проникал киселеобразный туман с улицы, Алексею стало настолько страшно, как не было еще никогда. Стало плохо дышать, появился запах горелой пластмассы.

– Надеюсь, мы не горим, – пробормотал Алексей и встал, чтобы дотянуться до багажного отсека.

Слегка подрагивающими руками он нашел свою сумку и снова сел на полку. Только после того как молния на сумке была открыта, Алексей догадался вытащить телефон и включить фонарик. Пока он искал в настройках значок фонаря, обратил внимание на то, что сети не было ни у одного, ни у второго оператора, чьими услугами он пользовался.

Порывшись в сумке, Алексей вытащил практически пустой блистер с антимикотическим препаратом. Закинув в рот последние две таблетки, он запил их водой, бутылка с которой попала под руку. Пустой блистер полетел обратно в сумку, а бутылка на полку, на которой Алексей сидел.

В отличие от своего попутчика охотиться на медведя или лося он не собирался, поэтому оружия при себе не имел. Зато у него имелся в наличии отличный набор скальпелей из какого-то новомодного сплава, которые, как уверяли улыбчивые представители компании, не нужно было точить – гарантия пятнадцать лет. В эти сказки хирурги, присутствующие на конференции верили с трудом, но наборы охотно разобрали, а почему бы не разобрать – бесплатно же, в качестве рекламных образцов.

Скальпели были уложены по размерам в специальные крепления на кожаной ленте – такая стилизация под старину или под антураж маньяка-убийцы. Видимо у креативщиков компании было такое чувство юмора, а может быть они и сами были когда-то врачами-хирургами с уже отрафировавшимися чувствами стыда, совести, жалости и сожалений. Они почему-то очень быстро атрофируются, такая вот профдеформация.

Алексей вытащил брюшной скальпель, он был самый длинный из представленных образцов, аккуратно свернул кожаную скрутку с остальными инструментами и положил ее рядом с собой. Сумку же застегнул и бросил на полку ближе к окну, решив, что уберет потом, когда все разрешится и они поедут дальше.

Время текло медленно, но все-таки текло. Прошла минута, вторая, десятая. Когда прошел час, Алексей понял, что случилось что-то страшное, раз его попутчик не вернулся и, похоже, возвращаться не собирался. А может быть он сейчас в вагоне-ресторане, нашел новых собеседников, с которыми было гораздо веселее, чем с ним.

Прошло еще полчаса. Алексей внезапно понял, что уже неплохо различает различные предметы, а темнота стала не столько крошечной, сколько темно-серой. В очередной раз выглянув в окно, он увидел, что туман понемногу рассеивается, а ночь начала сменяться темными предрассветными сумерками. Поняв, что больше не может сидеть один в пустом, темном купе Алексей поднялся, и хотел уже было выйти, как вагон заметно трянуло, а потом раздались приглушенные звуки выстрелов.

– Да не очень-то и хотелось, – пробормотал парень, садясь на полку в самый угол, как можно ближе к двери, чтобы при ее открытии оставаться как можно дольше незаметным. Бросив взгляд на лежащий на верхней полке кейс с винтовкой, Алексей быстро отказался от этой идеи, и замер, сжимая в потной руке скальпель.

Снова раздали выстрелы, уже ближе, и Алексей напрягся, но тут его скрутила острая боль в животе. Выронив скальпель, он схватился за живот, и согнулся пополам. Накатила тошнота, а виски пронзила такая боль, что на мгновение Алексей потерял ориентацию в пространстве и долго не мог понять, где верх, а где низ, и почему он лежит, скрючившись на полу. Боль в животе прошла так же внезапно, как и началась, а вот головная боль и не собиралась отступать,

переместившись из висков к затылку. Тошнота не проходила, и Алексей уже хотел, чтобы его вырвало – возможно, после этого он почувствовал бы хоть какое-то облегчение.

«Неужели у меня инсульт?», – эта мысль промелькнула в голове и скрылась, поглощенная новой волной разрывающей голову напополам боли.

А еще что-то непонятное начало твориться со зрением. Каринка то приближалась, то удалялась, а то начинала казаться размытой, словно он смотрел через сильно грязное стекло.

Алексей уже не обращал внимания на происходящее вокруг. Он сидел, стиснув голову руками, чувствуя, как по лицу что-то течет. Оторвав одну руку от головы, он вытер эту влажную субстанцию и поднес руку очень близко к глазам, потому что разглядеть что-либо стало проблематично и граничило с совершением подвига.

«Кровь, у меня из носа идет кровь», – мысли текли вяло, и Алексей довольно тупо рассматривал окровавленные пальцы, поражаясь самому себе, ведь даже когда он болел, на самом пике лихорадки, его мысли были четкими, а мыслительный процесс быстрым. Сейчас же даже такая деталь как кровь на руке доходила до его разума очень медленно и как-то неохотно, словно прорываясь через преграду.

Дверь в купе распахнулась, и Алексей равнодушно посмотрел на стоящего в проеме парня. Парень был одет в камуфляж, на ногах у него были берцы, а в руках он уверенно сжимал автомат. «Спасатели», – сгенерировал работающий все медленнее и медленнее разум Алексея.

– Эй, Анж, здесь еще один. Судя по виду зараженный, уже почти переродившийся, только какой-то странный, – обратился парень к кому-то, кого Алексей не видел, но манера обращения подсказала ему, что парень обращается к старшему.

– Быстро они, – из-за спины парня раздался голос, показавшийся Алексею знакомым. – Впервые такой быстрый кластер вижу. Это последнее купе?

– Последнее.

– Кончай его, бедолагу, и пойдем. Мы и так здесь нашумели и подзадержались. Мертвый кластер в ста метрах, как бы никто не пожаловал.

– Да кто сюда может прийти? – парень зашел в купе и передернул затвор. – Если только скреббер.

– Пасть захлопни, – в голосе старшего прозвучало раздражение. – Совсем спятил, все их упоминать?

– Да ладно тебе, это всего лишь сказки таких динозавров как ты, да других стариков, – и парень снова повернулся к Алексею, направив на него ствол автомата.

До него, только что дошло, что все это взаправду и эти люди, которых он принял сначала за спасателей, хотят его убить. Это осознание невольно взбодрило Алексея, он моргнул, зрение перестало сбоить, а мыслительные процессы пошли быстрее.

Нашарив рукой ручку скальпеля, Алексей сжал ее, решив, что просто так без боя не сдастся, и выпрямился, опуская вторую руку, несмотря на сильнейшую головную боль. Выпрямившись, он посмотрел прямо в лицо своему убийце, игнорируя направленный на него ствол. Их взгляды встретились, и парень опустил автомат, ставя его на предохранитель.

– Анж, ты должен это видеть, – тихо произнес парень, делая шаг назад в направлении двери, а потом, становясь боком, позволяя пройти старшему.

– И что ты мне хочешь показать? – он был старше парня, но ненамного. На вид ему было около тридцати. Молодой мужчина, темноволосый, с серыми глазами. Высокий, худощавый, но крепкий, с довольно привлекательным лицом – ничем не отличающийся от сотен подобных ему мужиков. Если бы не одно «но». Алексей во все глаза смотрел на это нахмуренное лицо, позабыв на мгновение даже про мучительную головную боль. А Анж, не дождавшись ответа от своего подчиненного, перевел взгляд на Алексея. – Ну ни хрена себе, – протянул он, опуская руку, с зажатым в ней пистолетом. – Вот это номер.

Алексей был полностью согласен с каждым словом, потому что это лицо он привык каждый день видеть в зеркале. Они с Анжем были копией друг друга.

Глава 2

Первый шок быстро прошел. У двойника Алексея, которого первый парень называл Анж, он прошел гораздо быстрее.

– Это ничего не значит, мне говорили, что среди двойников почти никогда не бывает иммунных. – Сказал Анж и поднял руку, с зажатым в ней пистолетом. Алексей понял, что это все, конец, и вскочил, вызвав этим рывком такой приступ головной боли, что перед глазами замелькали разноцветные мушки, а к горлу в который раз подступила тошнота.

И тут вагон тряхнуло так, что люди, находящиеся в купе, с трудом сумели удержать равновесие.

– Анж! Валим отсюда! – от двери раздался истеричный крик, который тут же перешел в мучительный стон, а спустя десять секунд и вовсе затих.

– Что за... – парень, имени которого Алексей так и не узнал, сделал шаг к двери, но тут же дернулся и выпустил из рук автомат. У него изо рта хлынула кровь, которая щедро плеснулась на Алексея, а из груди показался какой-то невероятно острый шип.

«Это же какой силищей нужно обладать...», – мысль, которая хоть и не пришла так медленно, как пару минут назад, но все же отличающаяся от обычного состояния Алексея, не была закончена. Потому что в купе протиснулось, небрежно стряхивая мертвое тело с огромного шипа, Нечто. Именно «Нечто», потому что описать это существо не представлялось возможным, у Алексея и в его нормальном состоянии не хватило бы словарного запаса, чтобы это сделать, теперь же он смог сформулировать только это слово, которое характеризовало монстра.

Алексей замер, глядя на этот оживший кошмар. Невозможно было сказать, где у этого существа была голова: все тело было представлено сплошным переплетением каких-то жгутов, наростов и шипов. Единственным, что позволяло ориентироваться в том, где же все-таки расположен командный центр Нечта, было наличие огромной пасти с множеством саблевидных клыков.

«Ими же неудобно пищу пережевывать», – со зрением снова что-то случилось. Алексею показалось, что сразу оба глаза затянули бельма катаракты. Все стало мутным и расплывчатым, а разум отказывался поддаваться панике и вообще хоть что-то соображать.

Он уже почти не видел, как тварь бросилась на Анжа, опрокинув его самого на полку, попросту отшвырнув от себя одной из своих псевдоконечностей, хорошо хоть на этом выросте не было никаких шипов. В тесноте купе монстр все-таки терял часть своих преимуществ, здесь было слишком тесно, чтобы его массивное тело могло показывать чудеса ловкости, на которую он был способен, да и полноценно воспользоваться чисто физической силой было несколько проблематично. И эта же теснота дала Анжу шанс. Не дожидаясь удара, Анж бросился на пол и схватил автомат, который уронил его мертвый спутник. Выстрелы в упор могли причинить очень много неудобств кому угодно, даже этому монстру, который с самого первого взгляда, пока еще Алексей мог что-то видеть более четко, показался ему практически неуязвимым.

Тварь взвыла, и этот крик, а также стрельба, звук от которой почти лишил слуха Анжа, внезапно подстегнули гаснущий разум Алексея. Он встрепенулся и сумел сконцентрировать зрение на том, что происходило буквально в сантиметрах от него. Пошевелившись, он вздрогнул, потому что ощутил острую боль в правой ладони. Приглядевшись, Алексей увидел, что наткнулся ладонью на лезвие брошенного скальпеля. Переведя взгляд на монстра, он заставил из последних сил сосредоточить уплывающее сознание на этой неприглядной картине. А тварь тем временем практически покончила с Анжем, который, несмотря ни на что, все еще пытался сопротивляться, во всяком случае, стрельба не прекращалась. Вот только не похоже было, чтобы тварь собиралась сдохнуть от того количества пуль, которые уже в ней находились.

Мимо уха свистнула пуля и вошла в стену. Или рикошет, или Анж уже палит не глядя. Сознание Алексея, наконец, осознало, что он будет следующим. Почему-то перспектива быть сожранным какой-то тварью, словно порожденной больной фантазией авангардиста, срочно включила инстинкт самосохранения на полную катушку. У Алексея было всего два выхода из сложившейся ситуации: или сбежать, или попытаться от угрозы избавиться. Инстинкт более древний, стоящий в самом низу пирамиды Маслоу и не зависящий от работы коры, заставил ставшее непослушным тело пошевелиться. Бежать было некуда, да и бесперспективно. Оставалось попробовать атаковать. Вот только куда атаковать, если вообще невозможно понять, где какие органы расположены.

И тут взгляд Алексея остановился на довольно внушительном наросте, который словно пульсировал изнутри.

«Какой-то нервный центр», – послышался сухой щелчок бойка, все Анжу конец, потому что патроны в магазине кончились, а перезарядиться тварь ему не даст. Оставались считанные мгновения, после которых его убьют, особо не напрягаясь.

Как хирург, Алексей прекрасно знал, что любое повреждение в любом нервном узле у любого животного, включая человека, может привести к парализации как временной, так и постоянной, но в любом случае это может дать ему время, чтобы найти жизненно важные центры твари. Ему даже встать не пришлось, настолько близко от него была сейчас эта часть тела твари и этот нарост. Тварь настолько увлеклась убийством такой огрызающейся дичи как Анж, что даже не заподозрила, что у нее за спиной может происходить что-то, что может неприятно сказаться на ее здоровье. Она поняла это только в тот момент, когда невероятно острый скальпель, вошел в нее и принялся безжалостно разрезать ткани внутри разреза.

Тварь заверещала и забилась. Ее многочисленные костяные отростки и шипы били в разные стороны. Досталось и Алексею, и его одежде, которая была исполосована и теперь висела на нем окровавленными полосками и его сумке. Несколько раз тварь ударила уже не шевелящегося, лежащего на полу Анжа. Алексей стиснул зубы и продолжал проворачивать скальпель в ране, не позволяя краям сомкнуться. Почему-то тварь ничего не могла сделать, чтобы сбросить с себя человека, убивающего ее.

«Точно нервный узел», – от скоротечной схватки Алексей слегка пришел в себя и приподнялся, наваливаясь всем телом на скальпель, заставляя погрузиться в податливую плоть все глубже. Тварь завалилась прямо на Анжа и уже не двигалась, но Алексей все продолжал разрезать странную по консистенции массу, наполняющую этот, оказавшийся таким важным нарост.

Когда до измученного мозга все-таки дошло, что все кончено, Алексей рывком вырвал скальпель из раны. Вместе с инструментом к нему в руку упал какой-то белый, округлый предмет. Алексей посмотрел на ладонь, руки были не в крови, а в желеобразной желтоватой субстанции. Предмет же напоминал внешне речную жемчужину, не слишком крупную, и не такую красивую, как тот жемчуг, который рос в морских глубинах.

Его снова затошнило, а затылок прострелила болью. От собственных неприятных ощущений его отвлек стон. Оказывается, Анж был все еще жив. Никакой жалости к своему несостоявшемуся убийце, пусть он и так похож на него самого, Алексей не испытывал, но ему позарез нужна была информация на предмет: какого гребанного хрена здесь вообще происходит?! Поэтому он, постанывая, кое-как встал и с трудом протиснулся к тому месту, где из-за навалившейся на него туши, виднелась верхняя половина тела Анжа.

Алексей плохо понимал, каким образом ему удалось сдвинуть монстра со своего двойника и закатить его на полку, принадлежащую еще пару часов назад охотнику Михаилу. Он словно всего за пару часов стал гораздо сильнее, чем был на самом деле, несмотря на отвратительное самочувствие. В то время, когда он это делал, то окончательно ободрал руки о шипы твари. В парезы набивалась та самая желеобразная желтая субстанция из нароста стела твари,

вызывая резкое жжение. Как ни странно, но боль, не сконцентрированная в голове, приводила его в себя, заставляя разум из последних сил бороться с чем-то, что пыталось его погасить.

Перетащить Анжа и затащить его на свою полку, оказалось почему-то гораздо тяжелее, чем проделать тоже самое с тварью, которую Алексей все еще не мог принять за реальность.

– Что это за мерзость? – Алексей увидел, что от шевеления, доставившего Анжу сильную боль, тот пришел в себя. Только вот вид его опытному, несмотря на молодой возраст, врачу не понравился. – Эй, не умирай, что это такое? Что вообще происходит?

– Птаха, сука, накаркал, – чтобы расслышать, Алексею пришлось наклониться к своему двойнику. – Скреббер. Слабый. Молодой совсем. Почти личинка. Жемчуг где?

– Какой жемчуг? – Алексей стукнул себя по лбу и подобрал с пола жемчужину, которую бросил во время перетаскивания тел. – Вот он. А что такое скреббер?

– Ешь, – раненный тяжело дышал, говорил все тише и чаще просто отдельными словами, не составляя из них фразы. Видно было, что каждое слово дается ему с трудом. – Жемчужину. Ешь. Ражженный. Остановит. Изменения.

Алексей посмотрел на свои грязные руки потом на жемчужину. Снова накатила тошнота. Значит, он чем-то заразился. Может быть, что эти монстры, скребберы – переносчики. Значит эта хрень, похожая на жемчужину, может сработать как прививка. Алексей пожал плечами и закинул в рот маленький шарик. Попад в рот, шарик коснулся одной из микозных бляшек.

– Оу, – Алексей взвыл от очередной вспышки боли и непроизвольно сделал глотательное движение, проглатывая злополучную жемчужину. – Жжется, – пожаловался он вслух, ощущая интенсивное тепло, которое разливалось по пищеводу и закончилось в желудке.

– Так... надо, – голос Анжа было уже практически не разобрать.

– Эй, не умирай, как тебе помочь? Я здесь не смогу ничего сделать, но, может быть есть возможность тебе помочь? – Алексей довольно сильно тряхнул Анжа за плечо. – Тебе можно как-то помочь?

– Янтарь. Собери.

– Какой янтарь? Откуда его собрать? – после проглоченной жемчужины состояние Алексея действительно немного улучшилось, хоть и особых изменений он пока не замечал.

– Из мешка. Где жемчужина.

– Так, – Алексей потер лоб. – Так. Если мужик не бредит, то нужно вот ту желто-оранжевую субстанцию собрать. Ну, ему виднее. Эй, Анж, тьфу ты. А имя у тебя есть?

– Нельзя имя. Только прозвище. Запомни. Нельзя имя.

– Хорошо, запомню. Пока я этот янтарь выковыриваю, может тебе что-нибудь дать? Водички попить?

– Живчик пролился, – Анж уже не открывал глаза. Алексею так было легче абстрагироваться от похожести умирающего на него самого. – Это плохо. Нельзя без живчика.

– Ну, конечно, а что это такое, твою мать?! – Алексей встал и, пошатываясь, направился к лежащей на полке туше.

Ему повезло, нарост был сверху, и ворочать неподъемное тело не пришлось. Поморщившись, Алексей взял в руку скальпель. Уже совсем рассвело, и туман пропал, так что было прекрасно видно, что же он сейчас делает.

Отвращения не было, была определенная доля безразличия, но Алексей в своей работе видел такое, что никакое препарирование не могло вызвать у него даже тошноту.

Тошнило его, когда дежурил по скорой и пришлось экстренно ампутировать гангренозную ногу и бомжа. Гангрена была в самом соку, они тогда по очереди блевать бежали. Мыться пришлось раза три, или четыре, он уже не помнил, а после операции еще два дня в носу стоял гнилостный сладковатый запах.

Подташнивало, когда клубок аскарид распутывал, а вот сейчас даже не поморщился. Сейчас его подташнивало от неведомой болезни, которой от заразился. Нарост представлял собой

кожистый полый мешок, полностью заполненный желтовато-оранжевой субстанцией, довольно плотной, но в которой можно было выделить отдельные волокна, похожие на толстые нити.

– На ганглий похоже, или не похоже? – пробормотал Алексей, извлекая субстанцию. Его опыта хватило, чтобы выделить вещество единым комком, не оставляя ничего в его кожистом хранилище.

Еще во время вынимания Алексей обратил внимание на то, что сам нарост был очень хорошо защищен хитиновыми пластинами, которые лежали в виде черепицы. Ему невероятно повезло, что скальпель проскользнул между пластинами, а не уперся в одну из них. Голова снова закружилась, и Алексей едва не упал. Перетерпев приступ, он подошел к Анжу.

– И что теперь? Что с этим делать?

– Литр воды, тридцать грамм водки, растворить, – прошептал Анж, с усилием приподнявшись на локтях. – Споран так же нужно делать. Живчик всегда должен быть при себе.

– Еще бы знать, что все это такое, – пробурчал Алексей, хватая бутылку с водой и запинаясь в нее вырезанную с монстра субстанцию. – Водка, и где мне водку взять?

Водка нашлась в бауле Михаила. Отвинтив крышку, Алексей плеснул в бутылку спиртное и взболтал. Субстанция тут же начала растворяться, придавая жидкости желтоватый оттенок.

– Что дальше? Анж, не спи, что дальше? – Алексей потряс перед лицом раненого бутылкой.

– Процедить и можно пить.

– Так, где-то здесь бинт был, – Алексей не стал рыться в сумке, а просто вывалил ее содержимое на пол. Его накрыло чувство близкое к эйфории. Словно он выпил ту бутылку водки, которую нашел в чужом бауле.

Пакет, который собрала для него сердобольная медсестра, к счастью, не пострадал. Вытащив бинт, Алексей быстро и ловко сделал салфетку, через которую можно было цедить раствор. Вот только куда цедить? Пришлось выбираться в коридор.

На полу лежали трупы. Несколько вооруженных мужчин в камуфляже, Алексей насчитал семерых. Еще четверо мужчин были одеты обычно, без признаков милитаризма. Выглядели они так, словно умерли не несколько часов назад, а как минимум пару недель пролежали здесь. У купе проводницы лежал Михаил, который также выглядел как не самой первой свежести мертвец.

– Чертовщина какая-то, – бросил Алексей, равнодушно переступая через тела. Его даже не посетила мысль, насколько это неправильная реакция на все произошедшее.

Добравшись до кулера, Алексей взял несколько одноразовых стаканчиков и вернулся в свое купе. Расставив стаканы на столике, он принялся процеживать получившийся раствор. Получилось пять стаканов.

– Эй, Анж, я все сделал, пить будешь?

– Давай... – Алексей подхватил один стакан, повернулся к своему двойнику, и тут его скрутила такая дикая боль в животе, что он согнулся, выронив при этом стакан, и рухнул на пол, потеряв сознание.

Когда сознание вернулось в истерзанное тело, Алексея вырвало. Рвало его долго, какой-то черной дрянью, в которой отчетливо прослеживались тончайшие нити, чужеродного вещества.

– На аспергиллез похоже, – выдавил между спазмами Алексей. – Не зря я антимиотики хлестал.

Когда спазмы прекратились, он провел рукой по лицу. Лицо было мокрым, и, поднеся руку к глазам, Алексей увидел, что она вся покрыта такой же черной гадостью, которая только что выливалась из его желудка. Кое-как поднявшись с пола, потому что лежать в собственной блевотине было мерзко, Алексей подошел к полке, на которой лежал Анж. Не нужно было быть врачом, чтобы понять, что его двойник мертв, и что качать уже смысла не было. Судя по

тому, что положение тела несколько изменилось, Анж до последнего пытался дотянуться до раствора, который мог его спасти, в то время, когда Алексей валялся на полу, а из его носа и, похоже, ушей, текла черная мерзость.

Протянув руку, Алексей закрыл серые, уже подпернутые смертельной дымкой глаза. Сейчас он чувствовал, что ничто больше не сковывает его разум. С одной стороны, это было хорошо, то, что Алексей снова осознавал себя самим собой, а с другой...

С другой стороны, вернулись чувства, которые тоже были накрепко заблокированы этой странной инфекцией, словно кто-то хотел подчинить его себе, сделать своей марионеткой. И самое поганое заключалось в том, что Алексей все прекрасно помнил. Память никуда не делась, и от этого становилось совсем паршиво.

Закусив костяшки пальцев, сложенных в кулак, Алексей простоял над телом так похожего на него мужчины довольно долго, пытаясь привести мысли в некое подобие порядка. Получалось плохо. Вернее, не получалось совсем. Он все еще не понимал, что происходит, и что это за странная инфекция, которая поразила его и которую вылечила жемчужина, вынутая из того кошмарного существа, в сторону которого Алексей старался не смотреть.

Немного успокоившись, Алексей пришел к выводу, что нужно уже начинать шевелиться. Сидеть в этом мертвом поезде было плохой идеей. Очень-очень плохой идеей. Так что нужно было идти. Куда идти он не знал, но нужно было хоть с чего-то начинать.

Оглядев себя, Алексей поморщился: весь в обрывках одежды, в блевотине, в крови, в черной жиже и бог знает, в чем еще. Оставалось надеяться, что вода в туалете все еще есть.

Его вещи, вываленные совсем недавно на пол, были не пригодны для дальнейшей эксплуатации. Но оставался баул Михаила, да и других пассажиров, если уж на то пошло, трупы которых он видел, когда ходил за стаканами. Стачив баул, Алексей наскоро его осмотрел, нашел пустую фляжку, в которую перелил раствор, из стоящих на столе стаканов. После этого сунул туда сверток со скальпелями, предварительно поместив на место тот, который спас ему жизнь, бутылку водки, уже наполненную фляжку, свои документы и пакет с тем минимумом лекарств, который у него был при себе. Стачив с верхней полки кейс с винтовкой, Алексей вышел из купе.

В коридоре его замутило, а к горлу подступил комок. Стараясь не смотреть на тела, лежащие прямо на полу в коридоре, Алексей прошел к туалету и заперся в нем. Приводил он себя в порядок долго. Вода была, но вот подавалась она в раковину, а Алексею нужно было хоть как-то вымыться целиком. Прошло довольно много времени, когда он перестал с остервенением тереть кожу, используя вместо мочалки одну из маек Михаила. Одежда была ему великовата, но она была чистая, а проблему размера решил кожаный ремень, нашедшийся здесь же в бауле. Одежда вся была защитных цветов, но это понятно – человек ведь на охоту собирался, а вон как оказалось. Еще бы понять, как именно оказалось, было бы совсем хорошо.

Одевшись, Алексей рискнул рассмотреть себя в зеркале. Долго и пристально изучал лицо, а потом открыл рот и тут же захлопнул, потому что микотических бляшек на слизистой не было. Пока он занимался чисткой, то не обратил внимания, что во рту ничего не болит.

Алексей сел на опущенную крышку унитаза и сдавил голову обеими руками.

– Да что тут, вашу мать происходит? – ответа на свой вопрос он не получил, некому было ответить.

Рефлексируя Алексей недолго. Туалет в этом поезде был вполне продвинутый, а значит, в нем находился небольшой пеленальный столик. Вот на этот столик он и свалил все, что имелось в бауле, и принялся сортировать.

Обратно в сумку полетели: патроны, их Михаил тащил явно с запасом, да и еще и разных, ни одной одинаковой коробки.

– Ну конечно, ствол-то новый, его пристрелять нужно было, понять, какой патрон ему больше всего подходит, – бормотал вслух Алексей, только бы слышать хоть чей-то голос, чтобы создавалась иллюзия, что он не один в этом поезде смерти.

За патронами в сумку был уложен набор скальпелей, а также найденный здесь же охотничий нож. Смена белья, бутылка водки, фляжка с непонятым раствором, и шесть банок с консервами – какие-то полуфабрикаты вроде «завтрака туриста». Одну банку Алексей открыл, потому что внезапно почувствовал такой сильный голод, что даже испытал боль.

Съев гречку с мясом, Алексей продолжил собираться. Много вещей он решил с собой не брать, и так придется тащить тяжелый «Орсис», с которым много не набегает. К тому, что уже было в сумке, он добавил бутылку воды, свои документы в бумажнике и пакет с импровизированной аптечкой. По-хорошему, стоило пройти по другим купе и посмотреть, нет ли там чего-нибудь полезного, но от одной мысли об этом начинало мутить. Единственное, на что Алексей решился, это подойти к телу Михаила и вытащить из его бумажника ключ от кейса.

Похоже, команда Анжа уничтожила всех пассажиров поезда, потому что причина смерти пассажиров в виде пулевых ранений была очевидна даже без вскрытия. Алексей понимал, зачем они это сделали, пытались не дать людям погибнуть от неизвестной инфекции. Умом Алексей это понимал, но принять не мог, ведь, может быть, тому же Михаилу можно было чем-то помочь. В больнице в изолированном боксе этим людям хотя бы попытались помочь. Алексей находился в информационном вакууме, от которого, казалось, лопнет голова. Что за болезнь? Как она проявляется? Почему такое радикальное лечение? Каким образом вылечился сам Алексей, ведь не может же быть на самом деле, что это произошло из-за того, что он заглотил жемчужину, которую вырезал из монстра? И что это за монстр, и как здесь вообще оказался его двойник по имени Анж...

– Так, стоп! – Алексей усилием воли остановил этот поток бесконечных вопросов. – Надо выбираться отсюда, а потом уже выяснять, что произошло.

Винтовку он решил из кейса пока не вытаскивать, а то мало ли, вдруг сюда уже на всех парах полицейские мчатся. Так хотя бы как-то можно будет отмазаться. Хуже будет, если незачехленным стволом начнет светить. Еще раз оглядев вещи, не забыл ли чего-нибудь, Алексей застегнул сумку, закинул ее на плечо, взял в другую руку кейс с винтовкой и выскочил из вагона.

Чтобы понять, где он находится, необходимо было отойти от поезда, что Алексей и сделал, заметив небольшой холм прямо напротив того места, где он стоял.

Взобравшись на этот холм, с трудом поборов одышку, Алексей обернулся. Крик замер на его губах. Он стоял, хватая воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег, и смотрел в сторону поезда. Даже присутствие двойника, даже схватка с монстром и чудесное излечение от опасной болезни не давали ощущения, что что-то совсем не так. Но вот открывшаяся перед взглядом Алексея картина, словно обухом топора ударила по мозгам, заставляя начать думать, что он уже не на Земле.

Вагон, в котором он ехал, не был последним, когда Алексей садился в него, а вот сейчас был. Его словно отрезала от остального состава, и как картинку пазла вставила в совершенно другую картину неведомая сила. Рельсы были, но те, которые виднелись за вагоном, были другими, словно сделанными из другого материала.

Но Алексей не обратил бы никакого внимания на этот факт, мало ли на какой станции могли вагоны отцепить, если бы не лес, возвышающийся совсем близко от стоящего на путях поезда. Потому что абсолютно черных лесов на Земле точно не было. Деревья, кусты, и даже трава, словно были сделаны из черного стекла. А еще от этого леса несло просто запредельной жутью.

Алексей закрыл рот и перевел взгляд на поезд. Локомотив и всего два вагона. Где остальная часть состава можно было только гадать. Живых людей видно не было, похоже, Алексей был единственным, кто выжил.

Медленно повернувшись к останкам поезда спиной, Алексей посмотрел вперед. Степь, бескрайняя степь, вот что он увидел. На самом горизонте вроде что-то блеснуло. Опустившись на колени, Алексей открыл кейс и вытащил карабин. Великолепный оптический прицел позволил разглядеть в том месте, где ему почудился блеск, какое-то строение. Детали разглядеть было невозможно, слишком далеко он находился от цели.

Еще раз оглянувшись на черный лес и поежившись Алексей вытащил магазины, и зарядил их. Один сунул в карман, второй вставил в ствольную коробку. В кейсе надобность отпала, он понимал, что встретить полицию у него крайне мало шансов, так что решил не таскать на себе добавочную тяжесть.

Только когда он поднялся на ноги, пришла мысль о том, что как-то он слишком спокойно воспринял новость о том, что его куда-то зашвырнуло. Также спокойно он отнесся к схватке с монстром и всем убитым в то время, когда он был заражен.

– Должно быть это последствия болезни, – Алексей пытался заставить себя думать критично и, возможно, начинать паниковать, но ничего не выходило, паники не было, была какая-то злая обреченность. – Эта дрянь здорово на мозг действует. Остается надеяться, что в итоге это пройдет. Второй вариант несколько хуже, но все равно приемлемый – я скоро очнусь в психушке, когда растяпа медсестра забудет вколоть мне галоперидольчик.

Высказавшись, Алексей тяжело вздохнул и двинулся навстречу неизвестности.

Глава 3

До строения, которое Алексей увидел в оптический прицел, было далеко. Он это понял по тому, что шел уже почти целый час, а цель ближе не становилась. В животе заурчало, и слегка затошнило.

– Да чтоб тебя, – негромко выругался Алексей, садясь прямо на землю и проводя по сухим губам языком. – Жрать охота до тошноты, и жажда как у расслабившегося диабетика. Если это все последствия отравления, то какие-то они очень уж странные.

Терпеть не было сил, и Алексей не стал подвергать свой и так ослабленный организм дополнительным нагрузкам. Еда пока была, но ее было немного, поэтому все равно надолго не хватит. Воды было еще меньше, всего одна початая бутылка. Была еще странная желтоватая жидкость во фляжке, но попробовать ее у Алексея решимости не хватало.

После того как очередная банка тушенки полетела на землю, а в бутылке количество воды сократилось на треть, Алексей лег на живот, поставил на складные сошки винтовку и внимательно оглядел окрестности.

И все-таки прошел он достаточно большое расстояние, потому что сейчас в прицеле было точно видно, что строение, привлечшее его внимание, это какой-то старый завод. Или не завод, но что-то очень похожее. Здание было явно заброшенное, и не было видно ничего, что, хотя бы намекнуло на наличие в нем людей. Провалы окон, в которых не было стекол, наводили на мысль о декорациях к фильму ужасов. Зрелище было слишком жутким, чтобы вселять оптимизм. С другой стороны, Алексею все равно было некуда больше идти, поэтому он поднялся, подхватил сумку, повесил винтовку на плечо и возобновил движение к назначенной цели.

Когда Алексей подошел к зданию, возвышавшемуся на высоту полноценной пятиэтажки, солнце было уже в зените. Некоторое время он потратил на то, чтобы обойти завод по периметру. Уже на подходе, Алексей понял, что немного ошибся, это был не крупный завод, а так, заводик, занявший бы маленький уголок на территории какого-нибудь машиностроительного гиганта.

Огромная дверь была приоткрыта, и Алексей, сняв с плеча винтовку, осторожно заглянул внутрь. Зайти нужно было хотя бы для того, чтобы пополнить запасы питьевой воды, потому что пить хотелось все больше, а в бутылке воды практически не осталось.

– А ну стой, – раздавшийся откуда-то сверху мужской голос застал Алексея врасплох, и он опустил ствол и попятился назад. – Стоять, кому говорю!

– Я стою, а ты не хочешь показаться?

– Чтобы я сам под выстрел подставился? За дурака меня держишь?

– Я не за кого тебя не держу, я даже не уверен, что ты не моя персональная галлюцинация, – Алексей прислонился спиной к дверной створке, и настороженно осматривал пустое помещение. – Слуховая галлюцинация.

– Ты псих что ли? – в голосе говорившего послышались сомнения.

– Не исключено, потому что последние несколько часов лично мне напоминают бред, – согласился Алексей с выводами своего невидимого собеседника. – Однако даже если учесть, что ты действительно можешь быть моим глюком, не сочтешь за труд объяснить, какого хрена тут происходит?!

– А, так ты новичок, – протянул говоривший, и тут Алексей увидел, как на площадку лестничного проема из тени вышел мужчина лет тридцати пяти-сорока, чем-то неуловимо напоминающий покойного Михаила. – Ты как сюда умудрился забраться, даже не разобравшись в структуре Улья?

– Да вроде не слишком далеко было идти, – Алексей немного растерялся, и провел ладонью по вспотевшему лбу. – Километра три, это по максимуму.

– Стоп, ты хочешь сказать, что в трех километрах кластер перезагрузился? Там же только тот, что у мертвого небольшой полоской расположился.

– Я ничего не хочу сказать, я не понимаю, о чем ты говоришь. Я ехал на поезде с конференции. Уснул, проснулся от экстренного торможения, вокруг поезда плотный туман. А потом началась стрельба. Пришли какие-то парни в камуфляже и перестреляли всех пассажиров и весь обслуживающий персонал.

– Что за парни? – деловито уточнил мужик, опуская арбалет, из которого все это время целился в Алексея.

– Не знаю, главный у них Анж какой-то был.

– Я слышал про Анжа, четкий мужик, только со сдвигами.

– С какими сдвигами? – Алексей устал стоять, да и пить хотелось так, что он сейчас из лужи начал бы воду хлебать, если бы ему кто-нибудь на эту лужу указал.

– Ты вот что, поднимайся сюда, – подумав, сказал мужик. – Здесь в бывшей комнате отдыха вполне можно с комфортом устроиться, там я и расскажу тебе все в общих чертах.

– А тебе это зачем? – Алексей нахмурился, крепко сжимая в руке винтовку.

– Да мне это совсем не к чему, только вот... – мужик замолчал, а затем продолжил. – Так принято, новичкам помогать. Не любит Стикс, когда новичков обижают, пакостить начинает.

– Стикс? – повторил Алексей непонятное слово.

– Поднимайся, пообщаемся, – видя, что новичок колеблется, мужик закатил глаза. – Да, поднимайся, не бойся. Хотел бы убить, уже болт бы получил в подарок.

Алексей сглотнул, почувствовав, что слюны нет, и нечем смочить пересохшее горло.

– Пить хочу, у тебя вода есть?

– У меня есть кое-что гораздо лучшее. Тебе сейчас не вода нужна, а живчик.

– Я уже слышал про живчик, – задумчиво проговорил Алексей. – Ладно, поднимаюсь.

Мужик дождался, пока Алексей поднимется до середины пролета и тяжело пошел выше. На высоте третьего этажа он открыл металлическую дверь и скрылся за ней. Алексею вдруг стало жутко, появилось ощущение, что он снова остался один, ничего не понимающий и не ориентирующийся в окружающей действительности.

– Состояние пациента ближе к удовлетворительному. В сознании, ориентирован во времени, в окружающем пространстве и в себе, – пробормотал Алексей. Он так часто писал эти фразы в историях болезни, что они всплыли в измученном мозге автоматически. – К сожалению, ко мне ни один из этих показателей не относится.

– Ну что ты там копаешься? – из дверного проема показалась голова мужика.

– Иду, – Алексей поудобнее перехватил винтовку и быстро взобрался по лестнице.

За дверью оказался небольшой коридорчик, который заканчивался довольно просторной комнатой. В комнате было целых два дивана, стол, кухонный уголок с кофеваркой и микроволновкой, а посередине бильярдный стол.

– Комната отдыха, – прокомментировал мужик, падая на один диван, и со стоном поднимая правую ногу на стоящий рядом стул. – Приборы не работают, электричества нет. Падай куда-нибудь.

– Что с ногой? – Алексей опустил сумку на пол, аккуратно уложил винтовку на зеленое сукно бильярдного стола и подошел к мужику.

– Топтун ранил. Ерунда, заживет. Спораны есть, на живчик хватит. Здесь спокойно, зараженные почему-то это место не любят, вот и решил отсидеться, – махнул рукой мужик.

– И все-таки покажи, может я смогу как-то ускорить процесс выздоровления.

– Врач что ли? Брось, здесь твои навыки мало востребованы, это ж Улей. Вот если знахарский дар проявится, то с твоим опытом везде весело жить сможешь. А так...

– Как знаешь, – Алексей устало опустился на стул. Ложиться на диван не стал, побоялся, что уснет сразу же, а ему было просто жизненно необходимо разжиться информацией. – Давай по порядку, почему ты говоришь то Стикс, то Улей?

– Это одно и то же. Это то место, где мы с тобой оказались. Как бы попроще объяснить? В общем, Стикс состоит из множества кластеров, соединенных между собой, словно соты в улье, понимаешь? – Алексей неуверенно кивнул. – Иногда, когда чаще, когда реже, кластеры перезагружаются. А вот сейчас будет самое интересное; перезагружаясь, кластер словно выдергивает фрагмент области другого мира и наслаивает на свой, соответствующий фрагмент. И чтобы ты не задавал дурацких вопросов, поясняю, теория мультиверса верна.

– Вот как, – Алексей закрыл глаза. – Понятно.

– Вот так вот, просто «понятно» и все? – мужик удивленно посмотрел на новичка.

– Когда ты нос к носу сталкиваешься со своим двойником, многое начинаешь воспринимать по-другому. Я так понимаю, нам с Анжем просто не повезло: мы оказались во время перезагрузки не в том месте, не в то время. А вот нашим другим двойникам повезло больше: кто-то на самолете назад полетел, у кого-то билет был не во втором, а, допустим, в третьем вагоне, а кто-то вообще дома остался, послав эту конференцию в заоблачные дали. Я так понимаю, что когда кластер перезагружается, фрагменты вселенных меняются местами с ювелирной точностью?

– Ну, в общем, да.

– А что ты имел в виду, когда говорил, что Анж со сдвигом?

– У него уникальный дар Улья проявился, он может определять в самом начале – зараженный человек или иммунный. И все, кого он определяет, как зараженного – в расход пускает. Но почему-то только в этом конкретном кластере. В других по правильным законам живет.

– Жил, – мрачно поправил его Алексей.

– Что?

– Жил Анж. Теперь уже нет, его вместе с его командой тварь какая-то сюрреалистичная порвала. Правда, он в итоге смог ее угандошить, но сам не выжил, – почему-то о своем участии в деле угандошивания твари Алексей решил промолчать. Так же, как и о том, что Анж определил его как зараженного.

– Да что ты? – мужик потрясенно сел. – А я думал, что здесь тварей по какой-то причине нет. Что за тварина-то была?

– Я-то откуда знаю? – пожал плечами Алексей. – Анж ее скреббер назвал.

– Тише ты, нельзя это произносить за пределами стабов, – испуганно замахал руками мужик.

– Да? А, собственно, почему?

– Плохая примета.

– Плохая примета, это когда вот это Нечто валяетсядохлым на полу в твоём купе, а все остальное – это так, суеверие.

– А ты-то откуда знаешь, что это именно... ну ты понял, был?

– Его так Анж назвал, он не сразу умер. Сказал, что живчик пролился, но он вообще с трудом мог говорить тогда. Я спросил, чем помочь, а Анж ответил, что ему может помочь янтарь и указал, где его взять. Я вырезал эту субстанцию, растворил, как Анж говорил, но передать ему не успел, сознание потерял и получившийся раствор пролился.

– Бывает, – протянул мужик. – Жалко, правда. Это же лайт-спек, в общем, это такая штурковина типа наркотика, только без привыкания. И без глюков. Силу, выносливость и регенерацию увеличивает. Если бы все получилось, Анж мог бы выжить. А жемчуг? Там в спортивном мешке была жемчужина?

– Нет, – Алексей покачал головой. – Ничего не было. Только эта желто-оранжевая субстанция.

– Ну, молодой, видимо, был, поэтому Анж его завалить и смог.

– Да, Анж что-то такое бормотал. Черт, как пить-то охота, – Алексей потянулся было к сумке, но мужик его остановил.

– На, хлебни. Это тебе сейчас нужнее, – и он протянул Алексею фляжку.

Напиток во фляжке оказался мутным, горьковатым, и пах сильно несвежими носками. Алексея даже слегка замутило, когда он сделал первый глоток. Подавив рвотный позыв, он прислушался к своим ощущениям, инстинктивно ожидая, что появится эффект, подобный тому, что он наблюдал, когда съел жемчужину. Но кроме легкого тепла, скатившегося по пищеводу, никаких отрицательных действий напиток вроде не вызывал, и Алексей сделал еще один глоток, после чего вернул фляжку хозяину.

– Спасибо, – мужик кивнул и сам сделал глоток. – А что это?

– Живчик это. Мы хоть и иммунные, то есть разум не теряем, и не пытаемся сожрать друг дружку, но без этой гадости не сможет прожить. Хоть раз в день, а пить надо. Делается из спорана. Вот ты сумку споровую кромсал, нечто вроде нее вырастает на затылке у зараженных. В этой сумке, кроме паутины появляются спораны, когда тварь покруче, то можно найти горох, ну а у самых крутых, которые уже на человека не похожи вовсе, и жемчуг появляется. Только красный и черный, но все же.

– Заражаются чем-то все, кто попадает сюда?

– Ну да. Только у кого-то болезнь развивается, и они становятся как зомби в зомбиленде, один в один. Жрут все, что под руку попадается: коров, собак, кошек, людишек, друг друга... Но на начальных этапах почти неопасны. Когда жратвы навалом – крутеют, становятся опасными. Элита вообще по опасности почти как тот, кого Анж завалил.

– В это трудно поверить, – Алексей прикрыл глаза. Так вот от чего пытался спасти Анж заразившихся пассажиров злосчастного поезда. Хотя, самим зараженным должно быть их заражение по-барabanу, так что непонятно, какие именно цели все-таки преследовал Анж.

– Трудно, это видеть нужно. Вот увидишь, сразу поймешь. Здесь спокойно, но теперь понятно почему. Соседство сам-знаешь-кого, зараженные не слишком любят. А те, кто мог измениться, Анж со своей командой почти при каждой перезагрузке мочил.

– Анж сказал, что свои имена называть нельзя. Это тоже такое суеверие? – Алексей потер лицо руками.

– Ну, почти. Имя, оно, говорят, назад тянет. Только назад пути уже нет. Вот и пользуются почти все кликухами. А вообще, народ здесь простой. И разговаривает он по-простому. И блатные словечки здесь очень даже в ходу.

– Что-то ты ими не слишком злоупотребляешь.

– Не люблю я этого, – мужик снова лег, пристроив раненную ногу на стул. – Вот и болтаюсь почти всегда один. Рейдер я, если что. Брожу от кластера к кластеру, хабар собираю. Спораны опять же. На тварей, у которых горох можно найти даже не замахиваясь, себе дороже. Топтун – мой потолок. Да и тот вон порвал, и гороха в нем не оказалось. Редкость, но вот так свезло. А без гороха развить дар Улья невозможно, – он вздохнул.

– Из споранов делают живчик, и нам без него не выжить? – Алексей прислушался к своим ощущениям. Ему действительно полегчало, в голове заметно просветлело, пить не хотелось, а тошнота, вроде бы, прекратилась.

– Да.

– Что такое дар Улья и горох?

– Дар, это какие-то сверхспособности, не знаю, как объяснить. Одни полезные, другие не очень. Чтобы их развить нужно горох трескать. Не в чистом виде, конечно, растворять надо в уксусе.

– Ладно, я сейчас все равно ничего уже не воспринимаю, – Алексей потер виски. – А люди, что с людьми, которые в зомби не превращаются?

– Иммунные тоже разные бывают: и простые честные рейдеры, и постоянные обитатели стабов – это такие кластеры, которые или вообще не перезагружаются, или перезагружаются крайне редко. Там всех хватает: и знахарей, и ксеров, и шлюх полно. Кластеры постоянно перезагружаются, так что сам понимаешь, со жратвой проблем нет, а вот спораны всегда в цене, как и горох. А уж про жемчуг я вообще молчу. Вот только кроме относительно нормальных, полностью нормальных здесь нет, сам понимаешь, встречается и полное дерьмо – муры. Готовы родную мать внешникам продать, а уж убить и ободрать рейдера для них – раз плюнуть.

– Внешники? – Алексей пытался запомнить, как можно больше незнакомых терминов, прекрасно при этом понимая, что за столь короткое время невозможно объять необъятное.

– Это твари почище зараженных. Они из миров, откуда нашли способы проникнуть в Улей.

– И что они делают здесь?

– Охотятся, – мужик сплюнул прямо на пол.

– На кого? На зараженных?

– Да на хрена им зараженные? Нет, дружище, они на нас охотятся, на иммунных. Органы собирают. Вот только не спрашивай зачем, не знаю. Радует только то, что здесь их немного, довольно далеко от Удавки – это место такое. Они же только в защите ходят, заразиться боятся. А летательные средства через мертвые кластеры не пробьются, эти кластеры наглухо гасят всю электронику. Вот так и живем.

– Весело, – Алексей встал со стула и подошел ко второму дивану. – Ты жрать не хочешь?

– Можно, только у меня со жратвой напряженка.

– У меня немного есть. Только нужно будет где-то еще достать, у меня мало.

– Можно будет попробовать к тому кластеру, из которого ты пришел, наведаться. Все равно в ту сторону идти.

– А что там в той стороне? – Алексей достал пару банок, открыл их и протянул своему невольному товарищу.

– Стаб там, довольно приличный. Надо только мертвый кластер обогнуть, да еще один миновать. Вот только этот второй – город крупный. И он скоро на перезагрузку должен уйти. А это плохо.

– Почему? – Алексей быстро ел, ощущая нешуточный голод.

– Потому что перезагрузившийся кластер как магнит тянет к себе всех, кого только можно. И рейдеры всех мастей, и муры, и зараженные ордами прут. Это же приток свежих продуктов и других благ. Для зараженных – только продуктов. Целый город непуганого, ничего не соображающего после перезагрузки мяса. Я, вообще-то туда шел, когда на топтуна нарвался.

– А у нас выбор есть? – Алексей прикидывал шансы пройти через опасную территорию. Его не пугали зараженные, во всяком случае пока, ведь он не встречал ни одного из них. А вот рейдеры в лице Анжа и его команды произвели на него очень глубокое впечатление. Особо сильно его впечатлило абсолютное равнодушие, с которым они убивали людей. Пусть Анж определил их всех как зараженных, но они все еще не превратились в монстров, когда их расстреливали.

– Так вот, получается, что нет, – мужик поставил пустую банку на пол и приступил ко второй. Через минуту он, словно спохватившись, протянул Алексею фляжку с живчиком. – На глотни, только не увлекайся сильно. Если много пить, можно травануться.

– Слушай, а как тебя звать-то? – Алексей словно только сейчас вспомнил, что они так и не познакомились.

– Ганс меня звать, – вторая банка оказалась на полу, и Ганс посмотрел на Алексея. – А у тебя погоняло есть?

– Нет, как-то умудрился не заполучить, – Алексей внезапно хмыкнул.

– Чего ржешь?

– Да так, вспомнил, – он еще раз посмотрел на Ганса. – Помнишь: «Ганс, Грубер! Внесите флюгегехаймен».

– Чего внесите? – Ганс недоуменно посмотрел на Алексея.

– Ты что не помнишь? «Евротур», там Купер неправильно стоп-слово прочитал.

– Какой-такой «Евротур»? – Ганс поскреб бровь.

– Фильм такой. Комедия. Пошловатый, но довольно забавный.

– Не было такого фильма, – убежденно произнес Ганс. – Я бы такую хрень как этот... как ты там его назвал, запомнил бы.

– Мда, теперь я точно уверен, что мультиверс – это правда, – пробормотал Алексей.

– Так что это такое, ну... флю..., тьфу ты, язык сломать можно.

– Хм, это такой... ну... в общем прибор, чтобы доставить максимум удовольствий крестину, забредшему в клуб садо-мазо.

– Ты мне это, название на листочке напиши, – подумав, сказал Ганс.

– Ладно, только ты того, не перепутай, а то всякое может случиться, – Алексей не смог удержаться от подначки.

– Вот что, шутник, будешь Грубером, – поймав недоуменный взгляд Алексея, Ганс хмыкнул. – Раз своего прозвища нет, я тебе его дам.

– Это что, тоже традиция или очередное суеверие?

– Традиция. Я тебя почитай встретил на Стиксе, основные понятия рассказал, а то непонятно, что бы ты делал, когда первого бегуна увидел. Так что, считай меня своим крестным отцом. И нарекаю я тебя Грубер.

– Аминь, – Грубер так Грубер, не самое плохое прозвище, если подумать. Алексей, или теперь уже Грубер растянулся на диване. – Ты же не обидишься, если я тебя не стану называть «папа»?

– Иди ты, Грубер, знаешь куда?

– Догадываюсь, – Грубер зевнул. – Что-то мне мое состояние не нравится. То жрать хочу, то пить, то спать. И хожу словно имбицил какой-то. Котелок совсем не варит, самому противно.

– Так всегда бывает, это откат. Здесь относительно безопасно. Если шуметь не будем никто и не сунется. Так что можно и поспать. К утру нога должна поджечь, там и тронемся. Нечего здесь сидеть, примета плохая, вне стаба где-то долго зависать.

– Трудно жить, когда столько примет.

– Нормально, привыкнешь. А завтра тебе тяжело придется. Зараженных по любому встретим. Ты со своей дуры стрелять то умеешь?

– Разберемся.

– Шумная она, нехорошо это. Но с другой стороны, арбалет у нас один, так что... Но, предупреждаю, палить только в крайнем случае, когда другого выхода не будет.

– Почему?

– Увидишь, – зловеще пообещал Ганс, но Грубер уже его не слышал, проваливаясь в вязкий, словно ночной туман, сон.

Глава 4

– Эй, Грубер, подъем! – Грубер вскочил с дивана, нелепо взмахнув руками, и уставился на Ганса, который в это время уже отошел в сторону и теперь укладывал свои немногочисленные пожитки в добротный рюкзак.

– Ты чего орешь? – хриплым со сна голосом произнес Грубер, протирая ладонями лицо.

– Ну ты и дрыхнуть, приятель. Запомни, это Улей, и ты не в крутом стабе, чтобы можно было вот так запросто валяться. Тут тебя очень быстро схарчат, пока ты потягиваешься.

– Все, понял, постараюсь исправиться. Где здесь сортир? Да и умыться не помешает.

– Вон за той дверцей, – и Ганс указал на довольно неприметную дверь, почти не отличающуюся от деревянных панелей на стенах в этой комнате. – Я тут успел немного прошвырнуться, пока все тихо. Это странно и непонятно, уже вроде новый кластер должен был образоваться, а никто в эту сторону не спешит. Это очень-очень странно. Да и с кластером этим не все так просто. Я о нем случайно узнал, какая-то тайна за десятью печатями, только для очень избранных.

Последние слова Грубер уже не слышал, потому что за неприметной дверью обнаружил очень неплохой санузел, который был к тому же оснащен душем. Вода нагревалась в бойлере, а так как электричества не было, то и нагревать ее было нечем. Но Грубер не смог отказать себе в удовольствии постоять под тугими струями, пусть они даже были холодными. В голове царил пустота, которую он даже не пытался чем-то заполнить. Не верилось, что прошел всего один день с того времени, как он сел на поезд, чтобы уехать домой. Вода текла по спине, по плечам, а Грубер продолжал стоять, опершись руками на выложенную голубой мозаикой стену. Он уже начал дрожать от холода, когда почувствовал, что струи воды стали заметно тоньше, а вскоре превратились в отдельные капли.

Вытереться было нечем, почему-то о такой мелочи как полотенце Грубер не позаботился, поэтому пришлось натягивать одежду на мокрое тело. Когда он вышел из этого санузла, Ганс уже стоял с рюкзаком за плечами у двери, ведущей на лестницу.

– Я уж думал, что тебя элитник сожрал. Сколько можно мыться?

– Я не... Вода кончилась, – Грубер быстро схватил свою сумку, закинул на плечо винтовку и подошел к Гансу.

– Конечно закончилась, ей же неоткуда поступать. Сколько в отстойнике сохранилось, столько и было. Хорошо хоть кластер недавно сменился, вода зацвести не успела, а то наплюхался бы на свою голову, – Ганс внимательно осмотрел новичка. – Пошли, а то не по себе мне что-то, предчувствие какое-то стремное.

– И часто предчувствия сбываются? – иронично спросил Грубер, поежившись, так как мокрая одежда неприятно холодила тело.

– Это же Улей, здесь, если чувствуешь, что впереди полная задница, то обычно так оно и есть. Хотя, если подумать, то ничего, кроме полной задницы здесь никого не ждет.

– Оптимистичненько, – пробормотал Грубер, направляясь за вышедшим Гансом.

На улице было довольно тепло, но не жарко.

– Странно, – когда он шел сюда, то практически не смотрел по сторонам, да и с головой у него было не все в порядке, поэтому Грубер только сейчас обратил внимание на окружающий его пейзаж. – Когда я сюда попал, то в моем родном... мире, – он запнулся на слове «мир», но затем взял себя в руки и продолжил. – У нас была осень в самом разгаре, а здесь, похоже, или лето или самое начало осени, или уже конец весны.

– Я вообще не помню, чтобы хотя бы на одном кластере попал в метель, – Ганс настороженно оглядывал окрестности. – А тот кластер, на котором ты оказался... он, понимаешь,

очень маленький: всего-то кусок рельсов и огрызок поезда на этом куске. Вот и весь кластер. Просто заплатка какая-то. – Грубер не ответил, просто стоял рядом и вглядывался вдаль. С этого места не было видно ни поезда, ни черного, мертвого леса. – Нехорошее место, мы тут как на ладони, ни одного кустика, чтобы спрятаться.

– Я не помню, что здесь было от кого прятаться.

– Ничего, скоро запомнишь. На всю оставшуюся жизнь хватит, – хмыкнул Ганс. – Правда, недолгую жизнь. В Улье те, кто остается в живых три года, считаются старожилками. И самая печальная статистика выживаемости среди рейдеров.

– Даже среди больных раком счет идет на пять лет, – пробормотал Грубер.

– Ну, тут как повезет. Я вот звезд с неба не хватаю, и живу уже два с половиной года, солидный срок. Так что пошли, чем быстрее с открытой местности уйдем, тем лучше.

– А где ты с этим, как его, с топтуном встретился? – разговаривать можно было и на ходу, чем Грубер и воспользовался, пытаясь как можно быстрее восполнить пробелы в своих знаниях.

– Так на заводе этом и столкнулся. Передохнуть решил. Мелочевки зараженной, типа медяков и даже бегунов не увидел, почему-то решил, что завод пустым был при перезагрузке. Не допетрило, что все работяги одному в итоге на закуску пошли. Жрать нечего здесь, вот друг друга и того... А самый сильный всех оставшихся приговорил и в топтуна эволюционировал.

– Ты же говорил, что никого вокруг нет.

– Я говорил, что никого вновьприбывшего и решившего закусон поискать вокруг нет, а про тех, кто здесь раньше был, ты и не спрашивал. Это хорошо еще, что, скорее всего, какая-то дежурная смена всего лишь была, а то топтун увеличил бы потенциал до рубера и поминай как звали. Тебе, правда, все равно бы было, с рубером ты явно не справился бы.

– Так, стоп, – Грубер недоуменно посмотрел на Ганса. – То есть зараженные много едят и становятся сильнее?

– Сильнее, ловчее, быстрее. А самое поганое, у них мозги опять работать начинают. Только все равно одному подчинены – жрать. И жрать мясо. А чье это мясо – без разницы. И, по-моему, я тебе об этом уже говорил, – Грубер пожал плечами, может и говорил, только вот он не помнит. Он вообще то, что с ним произошло с момента остановки поезда и своего пробуждения, помнил смутно, точнее, старался не вспоминать лишнего раз. – Ну, ладно, такое и повторить не грех. Зараженные откуда-то знают, что должна произойти перезагрузка крупного кластера. Они толпами начинают сбегаться к этому месту. Халявная жратва, что ты хочешь. И отсюда шанс очень нехило подняться.

– Слышь, Ганс, а ты почему мне этого топтуна не показал? – задал Грубер вполне логичный с его точки зрения вопрос.

– Да что-то не подумал, – Ганс почесал затылок. – Вот ведь, и правда надо было показать. С другой стороны, если бы ты подошел на час раньше, то некому было бы что-то показывать. Сожрали бы тебя, – добавил он уверенно. – Ты на данном этапе не только с рубером, но и с топтуном вряд ли справился бы.

– Судьба, – тихо произнес Грубер. После этого они практически не разговаривали, и шли молча, думая каждый о своем.

Когда показался поезд, Ганс опустил на землю и вытащил из рюкзака бинокль.

– Добрались уже, – прошептал он, кивая в ту сторону присевшему рядом с ним Груберу. – Вон, смотри, три бегуна возле второго вагона стоят, качаются. Чувствуют, что в вагоне мясо лежит, а входить почему-то боятся. Наверное, того, кого Анж приговорил, чувствуют, дажедохлого опасаются.

Ганс протянул новичку бинокль, и тот тут же поднес его к глазам. Сначала он хотел воспользоваться прицелом на винтовке, но затем передумал и довольно долго разглядывал существ, очень похожих внешне на людей.

– Точно зомби, – прошептал он. – Такое чувство, что режиссеры фильмов ужасов здесь побывали и умудрились удрать, насмотревшись сценариев на всю жизнь.

Разум все никак не мог смириться с тем, что это уже не люди.

– Есть такое дело, – кивнул Ганс.

– И что, совершенно нет никакого лекарства? – Грубер протянул ему бинокль, потому что смотреть на этих существ, которые еще недавно были обычными людьми, не было никакого желания.

– Есть, вон у тебя на плече висит. Правда, против тварей посильнее вряд ли поможет, но попытаться можно, – жестко ответил Ганс. – Пойми, они уже не люди. Все, изменения произошли, им теперь ничем нельзя помочь. Да, за ствол пока не хватайся. Нечего шуметь, еще привлечем внимание кого покруче. У тебя нож есть? – Грубер кивнул, опустил винтовку на землю и осторожно вытащил из сумки охотничий нож. – Хороший ножик, – одобительно кивнул Ганс. – Бегуны не слишком опасны, а нам все-таки желательно в поезд попасть так что...

Если Ганс и хотел предложить какой-то план действий, то не успел. Что-то привлекло внимание тварей, возможно, имунные слишком сильно шевелились, а может громко шептались, Грубер не смог бы дать точного ответа на этот вопрос. Головы всех трех бегунов одновременно повернулись в их сторону.

Грубер широко распахнул глаза, потому что скорость, с которой двигались эти существа, поражала: вот только что они стояли, тупо глядя на вагон и раскачиваясь с пяток на носки, и уже несутся в их сторону, быстро сокращая расстояние.

Свистнул арбалет, посылая болт навстречу одному из бегунов. Еще раз выстрелить Ганс не смог, не хватило времени, чтобы перезарядиться, но тот зараженный, в которого он стрелял, нелепо взмахнув руками, рухнул на землю, дергаясь всем телом.

Двое других даже внимания не обратили на то, что их приятель куда-то делся. Они налетели на людей, издавая странные урчащие звуки. Один из них кинулся на Грубера. Это было настолько неожиданно, что Грубер упал на спину, а бегун набросился на него сверху.

Вот тут-то Грубер сумел разглядеть зараженного во всей красе. Он действительно выглядел как зомби, и запах имел соответственный. Нападал бегун без какой-либо системы, просто пытаясь добраться до незащищенной плоти упавшего человека.

Грубера сразу же поразило то, что тварь, а теперь он уже не мог назвать ее человеком, обладала просто фантастической физической силой, совсем не соизмеримой с ее телосложением. Все эти замешательства привели к тому, что бегун, радостно заурчав, сумел вцепиться зубами в его руку чуть выше запястья.

К счастью ему не удалось сразу же перекусить крупные для этой части тела сосуды и нервы. Второго же шанса Грубер ему не дал, вонзая нож в затылок бегуна, где, как он успел заметить, располагался почти такой же на вид кожный нарост, как и у скреббера, который он определил, как аналог нервного узла. Тварь тоненько завизжала и скатилась с него, позволяя Груберу вскочить на ноги и ударить ножом еще несколько раз.

Ганс в это время неторопливо потрошил второго добежавшего до них бегуна.

– С почином. – Произнес он, не глядя на Грубера продолжая ковыряться в том самом наросте на затылке.

– Мог бы помочь, между прочим, – Грубер огляделся по сторонам, в надежде найти хоть что-нибудь, что помогло бы ему очистить нож.

– Зачем? – Ганс так искренне удивился, что даже отвлекся от своего увлекательного занятия и посмотрел на Грубера. – Ты вроде бы справлялся. Бегуны не слишком опасны, а тебе нужно начинать тренироваться, если у тебя, конечно, нет цели сдохнуть в ближайшее время. Мешок споровый вскрой и посмотри, может, что-то ценное обнаружишь.

– А не лучше ли сейчас оглядеться? – Грубер недовольно посмотрел на своего невольного спутника. – Вдруг поблизости кто-нибудь еще вертится?

– Лично я никого больше не вижу, а твари этого уровня настолько тупые, что никогда не догадаются ловушку устроить.

– Ага, если только тварь с более крепкими мозгами не попадется, способная ловушку организовать, – Грубер лег на землю, подтянул к себе винтовку и принялся внимательно осматривать местность через прицел. – Сам же говорил, мы как на ладони.

– Мелочь боится более крутых тварей, – Ганс поднялся и пошел к тому бегуну, которого уложили первым. – Они им вполне на закуску могут пойти. Поэтому я почти уверен, что больше здесь никого нет. Я боялся, что кто-то может с пути сбиться и набрести на этот проклятый кластер. Да оказалось не зря. Вон, эти же набрали. Не любят зараженные это место, понять бы еще почему. Остальные, получается, с другой стороны в тот кластер, куда мы попытаемся проникнуть, прибегают. Но пока перезагрузка не произошла, могут и в степь забрести, так что ты прав, бдительность лишний раз не помешает, но уж до паранойи не надо опускаться.

– Ты думал, что и на заводе никого не будет, – ядовито возразил Грубер, тем не менее, последовавший совету более опытного Ганса и поднявшийся с земли.

– Тут не угадаешь на самом деле, – Ганс опустил перед телом и принялся разрезать споровый мешок. Анж так же называл этот странный нарост, который у каждого бегуна располагался на затылке, но был не слишком крупным.

– А споровые мешки где могут располагаться? – после нескольких минут колебаний спросил Грубер, вскрывая кожистую оболочку, точнее раскрывая свой же собственный разрез, приведший к гибели бегуна.

– У зараженных всегда на затылке. У тех, кого нельзя упоминать всуе, говорят, где угодно.

– Что мы ищем?

– Спораны. Это такие фиговины, чем-то на маленький виноград похожие.

– Вот такие? – Грубер протянул ладонь, на которой лежали три виноградины.

– Ух, ты, целых три? Улей любит новичков, в который раз в этом убеждаюсь, – скупой улыбнулся Ганс и вернулся к своему прерванному занятию.

– А с этим что делать? – Грубер указал на клубок грязно-серых нитей, похожих на свалывшуюся паутину.

– Ничего. Есть, конечно, любители на спеке сидеть, но я нет. Наркота, она и есть наркоты. А от спека вообще, говорят, мозги набекрень съезжают, – Ганс поднялся, одновременно пряча в кармане несколько таких же виноградин, которые уже лежали в сумке Грубера в боковом кармане.

– Все страньше и страньше, – пробормотал Грубер, закидывая винтовку на плечо. – Ганс, а укусы зараженных не заражны?

– А я уже начал бояться, что ты и не спросишь, – хохотнул Ганс. – Это первый вопрос, который новички всегда задают. – Он внимательно посмотрел на Грубера и покачал головой. – Нет, не заражны. Нам теперь многие болезни нипочем. Да и ранения быстро заживают, если они не смертельные, конечно. Но тут без помощи живчика никак не обойтись.

– Хорошо, – Грубер поправил свое оружие, которое существенно оттягивало плечо. – А винтовку где можно будет продать?

– Избавиться хочешь? Отговаривать не буду. Из такой дуры шуметь себе дороже. Если только ты не в военном отряде, отправленном специально добывать спораны.

– А что и такое бывает?

– А как же, – протянул Ганс. – Еще как бывает, особенно на богатых стабах. Спораны в Улье вместо валюты, ими рассчитываться можно.

– Ты мне вчера этого точно не говорил.

– Ты не спрашивал.

– Считаю, что спросил.

– Так ведь не деньгами же расплачиваться. Здесь они что, просто фантики. А от споранов наши жизни зависят...

– И все равно – это неправильно, – сжал губы Грубер. – Какими бы не были зараженные, они, мало того, что людьми были, так они еще и живые существа...

– Которые сожрут тебя с превеликим удовольствием, стоит только зазеваться. Чудной ты, Грубер, – Ганс подошел к нему и кивнул на поезд. – Идем, и так времени столько потеряли.

Свою карьеру мародера Грубер начал с электровоза. Ганс оказался прав, никого они больше не заметили, и не нарвались на хитроумную ловушку. Мертвый поезд, где никого, кроме мертвецов не было, отдавал сверхъестественной жутью, флюиды которой чувствовали, похоже, даже зараженные. И только самые тупые не впечатлились и решили посмотреть поближе.

Машинистов было двое. Они лежали на полу большой кабины, второй сидел в кресле за пультом управления, именно на этих местах их настигли пули команды Анжа. Грубер недоуменно посмотрел на тела. Он даже присел рядом с ними на корточки, чтобы лучше рассмотреть. Выглядели мертвецы так, словно они погибли не день назад, а как минимум лежат здесь пару лет, в виде мумий.

– Это так и должно быть? – Грубер повернулся и посмотрел на нахмурившегося Ганса.

– Нет. Вот так быть точно не должно. Плохое место. Слишком чудное, даже для Улья. Давай уже быстренько сделаем дела и уберемся отсюда. У меня от этого места все волосы дыбом встали, даже в самых интересных и загадочных местах.

Из электровоза они перебрались в первый вагон. Анж, похоже, подходил к своему делу очень ответственно: в каждом купе обнаруживались трупы, так же, как и машинисты похожие на высохшие мумии.

Стараясь не слишком коситься на мертвецов, Грубер вместе с Гансом вытаскивал с багажных полок чемоданы и быстро просматривал содержимое. Ничего нового для себя Грубер не открыл: в чемоданах обнаружили именно те вещи, которые он подсознательно ожидал увидеть: деньги, которые здесь в Стиксе не котиrowались; документы, которые были никому не нужны; и все те вещи, которые люди берут с собой в недолгое путешествие, вроде зубных щеток и пачек с одноразовыми салфетками.

– Что конкретно мы ищем? – после того как они дошли до конца вагона, спросил Грубер.

– Еду, – коротко ответил Ганс. – По идее, когда тот кластер перезагрузится, еды будет навалом, но когда это будет? А мы, в отличие от зараженных, твари нежные и привередливые, нас просто мяско, которое бродит по улицам, не устроит. И может еще что интересное найдем.

В первом вагоне ничего интересного найти не удалось, и они перешли в тот, в котором ехал домой Алексей, еще не обретший прозвища, там, в прошлой жизни. Вот тут-то Грубер долго стоял с отпавшей челюстью и рассматривал открывшуюся картину. Все убитые пассажиры были мумифицированы, а вот погибшие от лап, или что у него заменяет лапы, скреббера, парни из команды Анжа выглядели так, словно ненадолго прилегали вздремнуть.

– А вот это совсем-совсем ненормально, – Грубер присел перед одним из них и перевернул тело с живота на спину.

Глаза парня были закрыты, лицо бледновато и только. Если бы не дыра в груди и отсутствие дыхания, Грубер ни за что не смог бы сразу навскидку сказать, что парень мертв. Не было даже трупного окоченения, да и трупные пятна не тронули кожу.

Чисто автоматически Грубер приложил пальцы к шее, чтобы уж наверняка убедиться. Пульса не было, и Грубер принялся проверять многочисленные карманы камуфляжной формы, надетой на парня. По тому, как резво Ганс начал шмонать тела именно этих ребят, стало понятно, что не только ради еды он так стремился попасть в этот поезд.

В одном из карманов, Грубер нашел небольшую фляжку. Отвинтив крышку, он принюхался: пахло спиртом и несвежими носками.

– Живчик, – опознал содержимое фляжки Грубер и, не колеблясь, сделал маленький глоток. Качество напитка было почти такое же, как у Ганса, может только спирта чуть побольше.

В другом кармане он обнаружил небольшой мешочек. Заглянув внутрь, Грубер обнаружил с десяток споранов. Одобрительно кивнув головой, он ссыпал к ним те, которые получил с убитого бегуна, и спрятал мешочек теперь уже в нагрудный карман своей куртки.

– А это ничего, что мы вроде бы своих обчищаем? – догадался спросить Грубер у Ганса, который уже успел обшмонать троих бойцов. Лично он никаких теплых чувств к своим несостоявшимся убийцам не испытывал, но вдруг вот так мародерствовать в Улье не принято, и они сейчас совершают какое-нибудь местное преступление.

– Ребята не обидятся, да и не нужно им уже все это, – Ганс распрямился и, поморщившись, начал разминать ногу. Видимо, полученное ранение еще доставляло ему некоторое неудобство. – Патроны бери, они дорого стоят, – посоветовал он менее опытному новичку. – Оружие тоже ценится, но мы его на себе далеко не упрям.

Груббер кивнул, давая понять, что все понял, и принялся ссыпать найденные патроны в сумку. Переходя к следующему телу, он уже знал, на что обращать внимание.

– Я вот только одного не пойму, зачем Анж меня просил эту странную субстанцию выковыривать, если у каждого его бойца был живчик? – очередную фляжку он сразу же спрятал в сумку вместе с патронами, и принялся обыскивать тело более тщательно.

– Говорят, что эти, неназываемые, могут паранормальные способности использовать, – ответил Ганс. – И влиять на мозги в том числе.

– Ясно, – возможно, так оно и есть, Грубер не стал бы спорить с этим утверждением, ведь сам-то он был далек от нормального состояния и не мог мыслить критически, поэтому оценить поведение Анжа как ненормальное он не мог. И тут он нашел мешочек с неизвестным содержимым. – А это что еще за ерундистика, на жженный сахар похоже?

– Где? Покажи, – к нему подскочил Ганс. – Ух, ты, тебе удалось горошины найти. Здорово. А на сахар да, похоже. Его еще сахарок называют.

– Это и есть горошины? – Грубер с любопытством рассматривал кристаллоподобное вещество. – А как узнают, есть ли какие-нибудь способности?

– Это к знахарю, – махнул рукой Ганс. – Правда иногда в критической ситуации у некоторых дар проявляется, если он, конечно, не совсем бесполезный.

– А если нет ничего?

– А вот этого еще ни разу не встречалось. У всех иммунных есть дар Улья. Но его в любом случае нужно развивать, а вот для этого горох и нужен.

Еда нашлась в купе проводницы. Не тратя время, Ганс с Грубером расположились здесь же в купе и основательно подкрепились найденными консервами. Царившая вокруг них обстановка никак не повлияла на их аппетит: Грубер отвык от брезгливости еще во время студенчества, а Ганс, два с половиной года проведя в Улье, видел уже практически все. Остатки консервов, их было восемь банок, разделили пополам и засунули в свои сумки.

Почему-то Грубер думал, что Ганс будет долго разглядывать убитого скреббера, но рейдер даже в купе не зашел, предоставив честь обыскать Анжа ему. Двойник Грубера все еще лежал на спине в том положении, в котором его Грубер и оставил. Как бы это не было странно, но у командира той небольшой команды, которая сейчас в полном составе лежала на полу вагона, оказалось меньше всего ценных вещей. Всего-то пять споранов, и больше ничего. Хотя, как вариант, могло быть и так, что все самое ценное Анж хранил где-то в другом месте, а не таскал с собой.

Ссыпав спораны в мешочек, Грубер еще раз осмотрел скреббера, теперь уже с ясной головой.

– Какая же это просто фантастическая гадость, – пробормотал он, разглядывая все эти переплетения жгутов и наростов. – Но, надо отдать им должное, эта гадость может заворачи-

вать в своей неповторимой омерзительности. Ганс, а скребберы все такие, как этот? – он задал вопрос Гансу сразу же, как только выбрался в коридор.

– Не называй их так вне стабов, – поморщился Ганс. – А то в ухо получишь. А про то, как выглядят, я не знаю, говорят, что все по-разному. Ну все, нечего здесь больше делать, двигаем.

Выйдя из вагона, они пошли вдоль железнодорожных путей, продвигаясь параллельно мертвому кластеру, как назвал Ганс жуткие черные деревья. Пути тянулись примерно пару километров. Уже очень скоро они попали в другой кластер, это определялось по тому, как изменились сами рельсы – они словно были сделаны из другого материала. Значит, Груберу не показалось, что за вторым вагоном тоже начиналась другая местность.

Внезапно железная дорога закончилась. Просто взяла и оборвалась. Так же резко закончился черный лес мертвого кластера. Вот только что они шли мимо чернильной жути, как вдруг по левую руку уже колосятся вполне зеленые кусты и виднеются раскидистые деревья.

– Ну а теперь тихо, – прошептал Ганс, и начал красться к кустам. – Давай в зеленку, всегда меньше шансов, что нас заметят.

Они крались, укрываясь в зелени, еще с полкилометра. Плотный туман был замечен изда-лека. И даже находясь в кустах рейдеры чувствовали кисловатый химический запах, который Грубер уловил, даже находясь в поезде.

– Это мы удачно подошли, – почти на грани слышимости прошептал Ганс. – Сейчас кис-ляк исчезнет, и мы увидим, что это за секретный кластер такой.

Туман, словно услышав слова рейдера, начал быстро таять. Груббер покосился на Ганса, который жадно смотрел вперед, пытаясь рассмотреть, ради чего он предпринял такое опасное путешествие.

Раскинувшаяся перед ними картина заставила Грубера несколько раз ущипнуть себя за руку рядом с глубоким укусом, который он не поленился перевязать, благо нашел еще несколько бинтов в поезде. Это определенно был город. Более того, какой-то подобный город он уже видел... в каком-то фантастическом фильме: небоскребы уходящие куда-то очень уж высоко вверх, летающие между ними машины...

– Бред какой-то, – прошептал Грубер.

– Это не бред, дружище, – в голосе Ганса звучал такой восторг, что Грубер даже заподо-зрил его в том, что рейдер все же не удержался и попробовал таинственный спек. – Это Нолд!

Глава 5

Груббер потер шею и потянулся, насколько позволяли размеры кустов, за которыми они с Гансом прятались.

– Чего мы ждем? – спросил он у своего спутника и какого-никакого наставника в этом новом, пугающем своей необычностью, мире.

– Ждем, когда обращаться начнут, – Ганс отложил в сторону бинокль и сел, вытягивая больную ногу и начиная разминать затекшие мышцы. – А еще ждем, когда уже зараженные пожалуют. Чтобы на перезагрузку такого кластера да орда не слетелась? Такого в принципе не бывает. Лучше уж подождать, да издалека относительно безопасный маршрут прикинуть, чем потом от элиты драпать.

– Кроме изменившихся, кто еще может на новый кластер пожаловать? – они лежали в этих кустах уже полдня. Медленно, но верно приближался вечер, а Груббер все никак не мог понять, чего они выжидают. Но использовал он это время не зря, завалив Ганса вопросами, ответы на которые позволяли ему более полно узнать об Улье.

– Рейдеры, конечно, – Ганс перестал разминать ногу и снова занял свой наблюдательный пост, вооружившись биноклем. – И хорошо если это будут приличные ребята, а не какие-нибудь мурь. А не идем мы туда, чтобы не загромоздить в полицейский участок, или еще куда, где будет гораздо хуже, чем в тюрьме.

Его рассуждения были прерваны сильным взрывом, раздавшимся совсем недалеко от того места, где они находились. А после этого город, выглядевший так, словно сошел со страниц фантастического романа, начало лихорадить.

Откуда-то из центра вверх понеслись летательные аппараты. Их было очень много, на седьмом десятке Груббер сбился за счета, и перестал считать количество полетевших куда-то шаттлов. Призирая все законы физики, эти аппараты летели по довольно странной траектории, и быстро скрывались в высших слоях атмосферы. До прячущихся рейдеров донесся звук еще одного взрыва, а потом громкий треск, словно неподалеку в трансформаторную будку попала молния.

– Там что-то происходит, – повинувшись какому-то странному импульсу, прошептал Груббер. – Что-то странное и явно не рядовое.

– Тише, сюда кто-то чешет, – Ганс пригнулся еще ниже, опустив голову.

Груббер же наоборот начал пристально смотреть в сторону города, от которого в их направлении бежала женщина, в обычном сарафане, без намека на костюм из латекса, обтягивающего тело, который так любили представлять на людях будущего режиссеры фантастических фильмов. Женщину было прекрасно видно на фоне фантазмагорической картины, которую сейчас представлял собой город, в котором бушевали пожары. То в одном месте, то в другом вспыхивали целые дома, словно они были сделаны из картона. Взрывы раздавались все чаще.

– Кристина, стой! – женщину быстро догнал молодой мужчина, схватил ее за обнаженное предплечье и рывком развернул к себе. Они стояли недалеко от кустов, в которых прятались невольные свидетели их разговора.

– Мне страшно, Тим, мне так страшно, – она прижалась к нему и всхлипнула.

– Мне тоже, – мужчина погладил ее по волосам. – Счастье, что детей успели эвакуировать.

– Но, нам говорили, что в этом проклятом мире много мест, где не могут летать даже дроны – вся электроника словно сходит с ума.

– На шаттлах с детьми, когда они выйдут на нижнюю орбиту, все отключится. Программа включит управление в тот момент, когда они будут проходить над Базой наших парней в этом

чокнутом мире. Их переправят к моей маме. – Говорил все это мужчина на ходу, направляясь обратно в город и уводя с собой свою спутницу.

Жители обреченного города отошли довольно далеко, и их уже не было слышно, когда Грубер повернулся к Гансу и с удивлением увидел, с какой ненавистью тот смотрит вслед удаляющейся паре.

– Эй, ты чего? – тихо спросил он, для надежности тряхнув Ганса за плечо. Тот вздрогнул, словно очнулся, еще раз посмотрел на город и отвернулся, сплюнув на землю.

– Это, дружище, Грубер, не просто какой-то город нолдов. Это город, в котором знают о Стиксе. Это город, который принадлежит тому паршивому мирку, из которого приходят некоторые внешники. Сволочи, – он снова сплюнул. – Зря мы сюда пришли. Видишь, как они старательно все уничтожают, чтобы только иммунным ничего не досталось.

– Я не понял насчет детей, – Грубер посмотрел на город, который, казалось, полыхал в огне.

– Маленькие дети не могут перерождаться. Уж не знаю, какая причина, но, уверен, она есть. Вот они и отправили детишек на базы, с которых эти мрази на нас охотятся.

– Если дети не болеют, это не значит, что они не заражены.

– Не значит, – кивнул Ганс. – Ну зачем-то внешникам нужны наши органы. Может они научились для малых лекарства какие-нибудь бодяжить, мы же этого не знаем. Но раз они уверены, что это безопасно, значит, уже как-то испытали. Жалко только, что впустую сюда перлись, а я-то все гадал, почему сюда орда не несется, а нас элита не обгоняет на поворотах.

– А вот я думаю, что не зря, – покачал головой Грубер. – Не успеют жители уничтожить абсолютно всё. А нам много и не надо, мы же не из крутого стаба. Ночь скоро, нужно где-то заночевать, а утром сюда вернуться и посмотреть, может быть, чем-нибудь и разживемся. Не знаю про тебя, а мне много чего в хозяйстве может пригодиться.

– Так, на улице оставаться – не вариант, – кивнул Ганс, принимая предложение Грубера. Да и самому было любопытно посмотреть, как живут нолды, даже если в обгоревших обломках ковыряться придется. – Вон туда в оптику глянь, она у тебя просветленная, мне показалось, что там недалеко граница другого кластера проходит, и что-то вроде хуторка маячит, – и Ганс указал рукой направление, левее от города.

Грубер долго всматривался вдаль, сначала невооруженным глазом, но ничего похожего на «хуторок» так и не увидел. Тогда он выставил сошки и принял к прицелу «Орсиса», оглядывая окрестности в направлении, указанном Гансом. Наконец он рассмотрел небольшое скопление невысоких приземистых строений, действительно похожих на хутор.

– Ну у тебя и зрение, – протянул он, укладывая винтовку на землю. – Прямо глаз, как у орла, – Грубер криво усмехнулся, разглядывая Ганса.

– Это мой дар Улья, далеко видеть, – вздохнул Ганс. – Только не слишком он полезный, да и развивать его надо, а нечем.

– А когда он может проявиться этот дар? – Грубер проигнорировал намек Ганса на горох, который лежал у него в одном из карманов.

– Обычно через сутки, может двое. У всех по-разному, – пожал плечами Ганс. – У меня часов через двадцать прорезался. Вот только не всегда он включается. Знахарь говорил, что любое умение тренировать надо, а как его тренировать-то? – он покачал головой и глотнул живчика. Грубер решил последовать его примеру и отпил из своей фляжки, потому что уже почти час ощущал, что у него что-то происходит со зрением. Картинка то плыла, то наоборот становилась слишком ясной. Живчик уже привычным теплом скользнул по пищеводу, в голове почти мгновенно прояснилось, а зрение вернулось в норму.

– Ну что пойдём? – спросил он у Ганса, возвращая фляжку в сумку.

– Поползем. Лучше перебдеть, чем обделаться, – проворчал Ганс и первым выполз из укрывавших их столько времени кустов.

До хутора добирались долго, в основном короткими перебежками, прячась за растущие вдоль дороги кусты. Правда, вначале попытались ползком, как советовал Ганс, вот только его идея потерпела полное фиаско. Если сам Ганс справлялся с этим делом довольно неплохо, то вот Грубер передвигаться таким образом не умел, и здорово тормозил их продвижение.

– Слышь, Грубер, ты что как беременный троглодит на одном месте возюкаешься? – не выдержал, в конце концов, Ганс. – Что ты пытаешься изобразить?

– Танец живота, в положении лежа, по пересеченной местности, – буркнул Грубер, прекратил извиваться на земле и сел, мрачно глядя на скалящегося Ганса.

– Это первое, чему в армии учат, – покачал головой Ганс. – Бегать в противогазе и передвигаться ползком, не поднимая задницы и головы.

– Ага, а еще траву красить, – огрызнулся Грубер. – Я не служил, ясно.

– Яснее некуда. А почему не служил? Откосил что ли?

– Ага, в универе восемь лет откашивал.

– Ну, даже если восемь, призыв-то до двадцати семи годков, или в твоей версии по-другому?

– Нет, не по-другому, так же, только когда ординатуру закончил, сам пошел сдаваться. Недаром же на военной кафедре учился. Не солдатом плац топтать, а офицером – это согласись, куда приятней. Только вот накануне нам какую-то хрень закупили, антисептик, мать его. И все, не взяли на службу, быстренько в запас определили и военник отдали.

– Я чего-то не понял, насчет этого, как там, анти... чего-то, – Ганс недоуменно смотрел на Грубера.

– У меня аллергия на него началась, – вздохнул Грубер. – Нас в ординатуре к столу только крючки держать допускали, в основном. Только вот почти у всех бригад, по очереди. Мыться приходилось от пяти до восьми раз на день, и обрабатываться этой гадостью. Очень скоро контактный дерматит перерос в полноценную экзему, а с экземой в армию не берут. Самое смешное, что очень скоро партия этой дряни закончилась, больше ее не закупили, и руки снова стали чистыми. Вот такие пироги с котятами.

– Мда, интересные дела творятся. Я почти ни слова не понял, но всю глубину трагизма осознал, – Ганс прищурился и посмотрел в сторону хутора. – Вечер уже, давай поторопимся что ли. Неохота мне у нового кластера на виду оставаться. Хоть и ненормальный кластер, но всякое может быть. Вдруг не все самоубьются? Даже половины пустышей хватит, чтобы нам весело стало, а ведь могут и не пустыши попасться. Так что двигаем.

Философия Ганса в этот период жизни, когда ты мало что понимаешь, мало чему обучен, и имеешь довольно призрачный шанс остаться в живых, в общем-то, полностью устраивала Грубера. Он бы и вовсе не встречался с этими аналогами ходячих мертвецов, будь его воля. Но именно сейчас от его воли мало, что зависело. Это Грубер понял, когда они уже практически дошли до хутора.

В вечерних сумерках пожары города нолдов озаряли горизонт, и от этого казалось, что в этой стороне темнее, чем было на самом деле. Этот контраст для зрительного восприятия сыграл с опытным Гансом злую шутку, он не сразу заметил, что хутор этот на самом деле был когда-то фермой, животноводческой фермой, на которой выращивали крупный рогатый скот.

Грубер же был всего лишь новичком, который пока не знал всех нюансов этого мира. Так уж получилось, что он первым заметил практически полностью обглоданный скелет коровы, лежащий немного в стороне от траектории их движения, и когда он указал на эту деталь Гансу, было уже поздно.

Тварь, двинувшаяся на них от ближайшего дома, вообще не была похожа на человека. Груберу этот зараженный показался огромным, но, несмотря на размеры, двигался он с очень приличной скоростью. Ганс грязно выругался и схватился за арбалет.

– Топтун, мать его, это топтун, да что же мне так на них везет?

Ганс вскинул арбалет, а Грубер услышал громкий стук, который топтун издавал при каждом шаге. Размышлять о природе этого стука, который, вероятно и дал основу для названия зараженного, не было времени. Топтун представлял нешуточную угрозу, поэтому Грубер, наплевав на запрет Ганса использовать винтовку, отпрыгнул немного в сторону и упал на землю, одновременно скидывая с плеча ствол.

Того времени, которое ушло у него на то, чтобы зарядить винтовку, хватило топтуну для того, чтобы достичь Ганса. Ганс успел даже выстрелить, но болт, вонзившийся в лечо топтуну, похоже, только того разозлил.

Удар топтуна был страшен. Размахнувшись непропорционально длинной лапой с огромными когтями, топтун отшвырнул Ганса в сторону как тряпичную куклу и сразу же повернулся в сторону Грубера, который уже принял к прицелу, хотя на таком расстоянии это было лишним. За долю секунды разглядев уродливую морду с покатым лбом, жалкими остатками волос и жуткую пасть, полную острых зубов, Грубер нажал на курок. Отдача несильно ударила в плечо, и тварь, получившая пулю в грудь, да с такого мизерного для этой винтовки расстояния, упала на землю.

Чего не ожидал Грубер, так это того, что топтун каким-то невероятным образом выживет. Увидев, что зараженный поднимается с земли, Грубер дернул затвор, перезаряжая винтовку, и тут же выстрелил, а затем еще раз, не дожидаясь на этот раз, встанет топтун или уже нет.

После третьего выстрела зараженный остался лежать на земле, а Грубер еще несколько минут настороженно осматривал местность сквозь прицел, пытаясь определить, привлек ли он шумом кого-нибудь еще, или топтун был здесь единственным представителем по встрече неожиданных гостей.

Быстро темнело, и в тот момент, когда Грубер понял, что уже ни черта не видит в этой темноте, он поднялся на ноги.

– Эй, Ганс, ты как? – ему никто не ответил, тогда Грубер бросился к дому, чтобы окончательно убедиться, что никаких сюрпризов больше не будет.

Ближайший дом был не слишком большим: три комнаты и кухня. Вопреки ожиданиям, человеческих костей под ногами не обнаружилось, зато обнаружилась самая настоящая керосиновая лампа на кухонном столе и спички. Скорее всего, изменения пошли не быстро, и хозяева решили, что просто в который раз отключили электричество, вот и позаботились о наличии света. Все это время Грубер освещал себе дорогу маленьким налобным фонариком, которым разжился в поезде «на всякий случай». Определив, что дом безопасен, он бросил сумку на пол, аккуратно положил винтовку на стол и пошел искать Ганса. Ганс обнаружился неподалеку. Он лежал ничком на земле, и Грубер, пребывающий в этот момент в некотором раздрае, не сразу определил, что его спутник не дышит.

Он понял это, когда втащил тело приятеля в дом.

– Да как же так? Как так-то?! – руки сами в привычном, даже рутинном жесте сложились в замок и легли на грудину. – Давай, ну же, давай, – Грубер качал, даже не пытаясь считать нажатия. Вдох – рот в рот, зажав нос; оценить экскурсию грудной клетки; снова качать. – Да давай же! Не бросай меня здесь одного!

Сколько это продолжалось, Грубер не смог бы сказать, даже если бы от этого зависела его жизнь. При реанимации понятие времени всегда исчезает, и врач ориентируется только на часы, или на то, когда кто-то подходит и убирает его руки с груди умершего. Здесь не было ни часов, ни кого-то, кто мог бы подойти и остановить. Он остановился сам, когда при особо сильном нажатии услышал хруст ломающегося ребра.

Шатаясь словно пьяный, Грубер прошел в другую комнату и сел на продавленный диван, обхватив голову руками. Он понятия не имел, что ему сейчас делать. Глаза закрылись сами собой, и Грубер незаметно для себя провалился в вязкий сон без сновидений.

Ему повезло. Беспорядки в шум умирающего города заглушили его выстрелы, и никто не пришел проверить, а что это здесь так вкусно шумит?

Проснулся Грубер рано, за окном только-только начала рассеиваться предрассветная мгла. Фонарик не горел, батарейка не была рассчитана на то, чтобы работать всю ночь. Почти на ощупь добравшись до кухни, Грубер зажег керосиновую лампу и пошел искать свою сумку. Перед телом Ганса он остановился, затем опустился на колени, и сразу же понял, почему ночью реанимация ему не удалась – шея Ганса была сломана, и голова лежала на полу под неестественным углом.

Долго рефлексировать Грубер себе не позволил. Он быстро и уже вполне профессионально обшмонал одежду Ганса, снял с пояса фляжку с живчиком, забрал маленький мешочек со спорами, которые накопились у рейдера, и после этого поднялся на ноги. Сумка нашлась недалеко на полу. Сунув мешочек со спорами в нагрудный карман, Грубер подхватил сумку, взял со стола винтовку, разрядил ее. Подумав, заново наполнил магазин и сунул его в карман.

Выйдя на улицу, он приблизился к топтуну. Ему нужен был споровый мешок, а чтобы добраться до него, пришлось переворачивать неподъемную тушу. Пока он ворочал зараженного, то понял, почему первый выстрел не убил тварь. Калибр у винтовки был неплохой, да и сам ствол... Он не предназначен для того, чтобы стрелять почти в упор. Несмотря на броню, пуля пробила тело топтуна насквозь, прошила его, словно дыроколом, а так как жизненно важные органы не были задеты... А вот второй выстрел натворил много бед. Грубер удивленно разглядывал месиво, которое образовалось в том месте, где полагалось находиться сердце. Затем он вытащил магазин и внимательно осмотрел патрон. Золотистая пуля с темным носиком и дыркой посередине. Даже его скудных знаний хватило на то, чтобы понять, что это такое.

– Пожалуй, я не буду от тебя избавляться, – пробормотал Грубер, обращаясь к стволу.

В споровом мешке топтуна нашлось шесть споровиков и одна горошина.

Ссыпав все свои находки в мешочки, Грубер поднялся и осмотрелся. Вода в бочке была не протухшей, и он умылся, тщательно помыл руки и протер шею. Все указывало на то, что хозяин жил на ферме один. Переродившись, он сожрал все стадо, эволюционировал в топтуна, и тут его эволюция застряла. Нет, если бы на его ферму не забрели рейдеры, он, скорее всего, подался бы к городу, но что случилось, то случилось.

Сам не понимая, что делает, Грубер с трудом дотащил тело топтуна до дома, где лежало тело Ганса. Наполовину затащив, наполовину затолкав тяжелую тушу в дом, он поднял все еще горевшую керосиновую лампу. Керосина в ней было много, заправляли ее с запасом. Несильно размахнувшись, Грубер швырнул лампу в комнату. Упав на пол, стекло треснуло, часть керосина плеснулось на доски пола, и по ним тут же побежал язычок синеватого пламени.

Не глядя больше ни на что, Грубер вышел из дома и аккуратно закрыл за собой дверь.

Он уже был почти на границе этого небольшого кластера, когда сзади раздался взрыв и вверх взметнулся столб пламени.

– Интересно, что там могло так рвануть? – равнодушно проговорил Грубер, глядя на то, как горит ферма. – Хотя нет, не интересно.

Он повернулся к ферме спиной и зашагал к городу. Он шел практически не скрываясь, и лишь когда город предстал перед ним как на ладони, инстинкт самосохранения взял верх, и Грубер залез в те самые кусты, откуда они с Гансом еще вчера наблюдали за происходящим.

Глава 6

Лежа в кустах, Грубер наблюдал за городом через оптический прицел, потому что забыл прихватить бинокль Ганса. Он вообще ничего не взял у покойного, только спораны, да фляжку с живчиком.

Здесь в кустах он встретил рассвет, который был тусклым из-за дыма, окружающего город плотным кольцом. Пожаров уже вроде бы не было видно, но некоторые здания все еще продолжали дымиться. Наскоро поев, съев при этом всю оставшуюся тушенку и запив все это живчиком, Грубер поставил винтовку на сошки, и принялся наблюдать.

Он почти пропустил момент, когда увидел первых измененных. Они еще больше, чем бегуны, напоминали зомби. Многие все еще были в одежде, если судить по информации, которую дал ему Ганс, изменения начались недавно.

Грубер отвлекся всего на несколько секунд, чтобы дать отдых уставшим глазам, а когда снова приткнулся к прицелу, то увидел, как со стороны кластера, где он недавно сжег ферму, появилась целая толпа зараженных. Была ли это ожидаемая Гансом орда, или кто-то просто так притащился посмотреть на новый кластер, было непонятно, как было непонятно, откуда они вообще узнают о таких событиях как перезагрузка кластера – вряд ли зараженным, находящимся поблизости сообщения рассылают, мол, добро пожаловать, не желаете ли кем-нибудь перекусить? А самое интересное заключалось в том, что зараженные очень редко, а чаще всего никогда, появлялись на новом кластере до образования первых медляков.

Грубер думал обо всем этом, соображая, а как он вообще проникнет в город, если в одной твари он опознал элитника, или кого-то похожего ранга, потому что трудно было представить, что кто-то еще будет так впечатляюще выглядеть. Огромное чудище, массивное, просто гора, да и к тому же гора, хорошо вооруженная когтями, зубами и различными шипами, растущими из самых неожиданных мест. А еще, эта гора была хорошо защищена плотными пластинами, закрывающими грудь, спину, споровой мешок. Пробрить эту броню не представлялось возможным, если только из танка, и Грубер, мысленно присвистнув, подумал: «А нужно ли мне попадать в этот город? Может потихоньку свалить, пока не поздно?»

К самому городу, как бы фантастически тот не выглядел, у Грубера интереса не было. Просто он все еще надеялся встретить здесь команду рейдеров какого-нибудь стаба, чтобы прибиться к ней. Несмотря на то, что ему пришлось пережить в этом мире за каких-то два дня, он все еще был новичком, который практически ничего не знал. К тому же у него начали возникать сомнения насчет дара Улья.

За все-то время, которое прошло с момента лечения от заражения, если оно вообще было, ведь в этом вопросе Грубер мог полагаться только на слова покойного Анжа, никаких признаков дара у него не наблюдалось. Да и само заражение все же было сомнительным: сам за собой он никаких изменений не чувствовал, как до сих пор не ощущал никаких сверхъестественных способностей.

Ему нужно было во всем разобраться, желательно в относительном спокойствии обитаемого стаба, и только после этого начинать планировать, что же делать дальше. Поэтому он и лежал в этих кустах и ждал команды рейдеров. Ему важно было не только дожидаться эти команды, но и аккуратно за ними понаблюдать, чтобы не нарваться на муров или еще каких отморозков, о которых ему весьма красочно и частично матерно поведал Ганс.

И вот он дождался на свою голову. Нужно было просто двигаться в противоположную от проклятого города сторону, куда-нибудь да вышел бы.

Элитник внезапно остановился. Он замер на месте, а затем очень медленно начал поворачиваться в ту сторону, где находились облюбованные Грубером кусты. Грубер напрягся так,

что голова заболела. Казалось, что элитник видит его, что это порождение Улья, которое когда-то было человеком, а возможно каким-то животным, этого теперь никто уже не узнает, чувствует спрятавшегося человека. Сердце сделало очередной кульбит. Грубер так и не заставил себя оторваться от прицела, и теперь боролся с ощущением, что они с элитником смотрят друг другу в глаза.

Это походило на наваждение. Нечто подобное Грубер испытал в далеком прошлом, когда на занятиях по психиатрии ему не повезло стать подопытным, на котором профессор объяснял некоторые методики гипноза. Грубер моргнул и наваждение исчезло. Теперь в прицеле было отчетливо видно, что элитник спешит в раскинувшийся перед ним беззащитный агонизирующий город, а не стоит, пристально разглядывая новичка.

Как только группа зараженных скрылась из вида, Грубер отложил ствол в сторону и уткнулся лицом в обнаженное запястье. Когда же он поднял голову, то увидел на коже следы крови.

– Что за... – он поднес ладонь к лицу и провел ею под носом. Так и есть, кровь хлестала из носа. – Гадство какое, – прошипел Грубер, срочно потроша свою сумку. Найдя бинты, он сделал две турунды, и кое-как, на ощупь, затампонировал носовые ходы. Теперь дышать приходилось через рот, но это было лучше, чем вот так терять кровь. После этого он достал бутылку, которую предусмотрительно наполнил водой еще на ферме и умылся, смывая с лица и рук кровь. Засунув все обратно в сумку, он вытащил живчик, самое универсальное местное средство и сделал два глотка. – Просто средство Макропулоса и панацея в одном флаконе, – пробормотал он, снова устраиваясь с винтовкой, разглядывать окрестности.

Чем дольше он смотрел на город, тем беспокойнее становилось на душе. Что-то не давало Груберу покоя. Он сам не понимал, с чего это его так ломает, но совершенно определенно это было связано именно с городом. Точнее, это было связано с желанием, во что бы то ни стало, попасть в этот город.

Постепенно желание становилось навязчивым. Несколько раз Грубер уже начинал собираться, но вовремя одергивал себя. Он уже не смотрел на то, что происходит в пределах его видимости с новым кластером. Все силы Грубера уходили на то, чтобы заставить ставшее непослушным тело оставаться на месте. Со зрением творилось что-то совершенно непонятное: картинка не просто плыла перед глазами, она словно распадалась на несколько отдельных кусков, каждый из которых показывал что-то свое.

– Какого черта? – прохрипел Грубер, вытаскивая из носа мешавшие турунды. В этот момент ему было наплевать, идет у него кровь или уже нет.

Открутив трясующимися руками крышку на фляжке, он чуть не пролил драгоценный напиток, но ухитрился влить в себя остатки живчика. Засунув пустую фляжку в сумку, он вытащил ту, которая принадлежала Гансу. Она была уже наполовину пустой, а остальные, которые он собрал с трупов парней Анжа, были вроде почти полными. Живчик ненадолго помог, во всяком случае зрение вернулось в норму, но острая потребность двигаться к нолдскому кластеру никуда не исчезла, а, казалось, даже усилилась. А еще очень сильно заболела голова. Боль была настолько сильной, что Грубер решил воспользоваться единственным доступным ему сейчас инструментом, для обезболивания: намешав литическую смесь, он вонзил шприц в бедро, наплевав на антисептику, прямо через штанину.

Инъекции, какими бы они крутыми не были, действуют не сразу, лекарственному веществу необходимо попасть в кровь, а для этого нужно время. Эти несколько минут Грубер мужественно сражался с болью. Его даже пару раз вырвало, но боль от этого не уменьшилась. Почему-то появилось ощущение, что стоит ему пойти туда, куда его тянуло, и боль сразу же станет меньше.

Наконец лекарство подействовало и наступило долгожданное облегчение. Грубер закрыл глаза и повалился на землю, даже не сдерживая стоны.

Урчание, раздавшееся совсем близко, заставило Грубера распахнуть глаза.

То, что он увидел перед собой, заставило его зажмуриться, но затем инстинкт самосохранения взял верх, и он снова открыл глаза, пытаясь сосредоточиться на стоящей невдалеке женщине, а не на том, что эту женщину окружало.

Это была та самая женщина, которая выбегала из города, когда они с Гансом прятались в зеленке, кажется, ее звали Кристина. Но узнал ее Грубер только по сарафану, в остальном же она ничем не отличалась от классического зомбака. Даже передвигалась очень медленно, неестественными, дерганными движениями. А еще она громко урчала, и целенаправленно двигалась в сторону Грубера, явно с гастрономическими намерениями. Из перекошенного рта только что слюна не капала. Оценив расстояние между ними, Грубер задумался: проще всего было быстро уйти от нее, но Ганс предупреждал, что зараженные обладали ненормальной целенаправленностью, то есть, эта переродившаяся дамочка могла упрямо двигаться за ним, время для нее уже было неактуально, тем самым демаскировав его. С другой стороны, стрелять – это привлечь к себе внимание тварей посерьезней, чем эта едва стоящая на ногах особь.

Грубер повел плечом, ну что же, хоть винтовка при нем, значит, какую бы хрень он не творил, находясь в полузабытье, о собственной безопасности ему хватило ума позаботиться. На другом плече висела сумка.

Наконец, он принял решение и осторожно, стараясь не совершать резких движений, снял винтовку и положил на землю, а затем, то же самое сделал с сумкой.

– Идиот, почему я сразу его не достал? – пробормотал Грубер, вытаскивая из сумки великолепный охотничий нож, в кожаных ножнах.

И все-таки разум не совсем покидал зараженных, или включались какие-то ассоциативные цепочки в больном мозге, подсказывающие на уровне примитивнейших инстинктов, что что-то представляет угрозу. Грубер пришел к этому выводу, когда медляк, шедший на него, внезапно, прилагая все доступные для него силы, ускорился, едва в свете догорающих пожаров сверкнуло лезвие ножа.

– Извини, дорогуша, ничего личного, – несмотря на то, что медляк был физически сильнее Грубера, ему не хватало ловкости, чем Грубер и воспользовался, одним прыжком очутившись у измененной за спиной. Схватить за длинные волосы, резко дернуть голову на себя, открывая шею, хорошо отточенным движением перерезать глотку, четко попадая между хрящами трахеи и перерезать сонные вены и артерии – все это заняло у Грубера меньше минуты. – Я превращаюсь в мясника. Это, говорят, весьма почетная профессия, – он говорил негромко, но не прекращал это делать, потому что ему стало важно почти на физическом уровне слышать человеческую речь.

С минуту Грубер стоял, глядя на агонирующее тело. Он не заляпался ее кровью, он знал, как нужно резать, чтобы кровь не попала на него. Только когда тело медляка, недавно бывшее женщиной с красивым именем Кристина, перестало содрогаться, Грубер решил оглядеться. Он находился в том самом городе, который так долго рассматривал через оптический прицел, лежа в полукилометре отсюда. Находился он, судя по всему, на окраине. Может это и не была реальная окраина города, но это была окраина кластера, на который этот город загрузился. Как он сюда шел, сколько времени у него заняли сборы, и самое главное: за каким чертом он это сделал – все эти вопросы остались без ответов, потому что ответов на них Грубер не знал.

Но факт оставался фактом, он зачем-то, вероятно подчиняясь какому-то неведомому проклятью, приперся в то самое место, куда совсем недавно пожаловала элита со своей свитой. Голова не болела, и вообще, чувствовал Грубер себя относительно хорошо. Вот только зрение снова начало чудить.

Уже привычным движением Грубер открыл фляжку с живчиком, покачал ее, затем решительно закрыл. Он понятия не имел, существует ли передозировка от этого странного раствора, и если существует, то какова все-таки суточная норма?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.